Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных

Зализняк, индоевропейские языки, прародина индоевропейцев,

д.и.н., проф. Л.Л.Зализняк

Часть 1. В ПОИСКАХ ПРАРОДИНЫ

Предисловие

Настоящая работа являет собой попытку популярного изложения сложных проблем индоевропеистики широкому кругу образованных читателей. С начала 90-х годов прошлого века, когда автор данной работы заинтересовался индоевропеистикой, опубликовано несколько его статей. Большинство из них рассчитано не на узкий круг профессиональных индоевропеистов (лингвистов, археологов), а на широкую аудиторию интересующихся древней историей читателей и, прежде всего, студентов историков и археологов исторических факультетов университетов Украины. Поэтому часть этих текстов существует в виде отдельных глав учебных пособий для исторических факультетов Украины. Одним из стимулов для этой работы послужил небывалый взрыв на постсоветском пространстве фантастических квазинаучных «концепций» неисчислимых мифотворцев.

Свою роль сыграл и тот факт, что большинство современных исследователей в той или иной мере включают территорию Украины в прародину индоевропейцев, а некоторые даже сужают последнюю до степей между Южными Карпатами и Кавказом. Несмотря на то, что добытые в Украине археологические и антропологические материалы активно интерпретируются на Западе, индоевропеистика еще не стала приоритетной проблематикой для украинских палеоэтнологов, археологов, лингвистов.

Мое видение проблемы происхождения и ранней истории индоевропейцев сложилось на основе разработок многих поколений индоевропеистов из разных стран. Ни в коей мере не претендуя на авторство большинства затронутых в работе положений и не имея иллюзий относительно окончательного решения проблемы этногенеза индоевропейцев или исчерпывающего анализа всей необъятной литературы по индоевропеистике, автор пытается дать критический анализ взглядов на происхождение индоевропейцев с позиций археологии и других наук.

Существует гигантская литература на разных языках народов мира, посвященная поискам страны, откуда предки родственных индоевропейских народов 5-4 тыс. лет назад заселили пространство между Атлантикой на западе, Индией на востоке, Скандинавией на севере и Индийским океаном на юге. Учитывая ограниченный объём работ, ориентированной на широкую аудиторию, библиография статьи сужена к важнейшим работам проблематики. Определенный жанр и ограниченный объём работы исключает возможность полного историографического анализа затронутых в ней проблем, что потребовало бы полноценного монографического исследования.

Прямыми предшественниками данной статьи были работы автора, вышедшие за последние четверть столетия (Залізняк, 1994, с. 78-116; 1998, с.248-265; 2005, с.12-37; 1999; 200; 2012, с.209-268; Zaliznyak, 1997, p.117-125). Работа фактически являет собой дополненный и отредактированный перевод на русский язык одной из двух посвященных индоевропеистике глав курса лекций для исторических факультетов Украины, вышедшей в 2012 г. (*Леонід Залізняк* Стародавня історія України.- К., 2012, 542 с.). Полный текст книги можно найти в интернете.

Термин Украина употребляется не в качества названия государства или этнонима, а как топоним, обозначающий регион, территорию.

Хочу искренне поблагодарить глубоко уважаемого мною со студенческой скамьи классика современной археологии и древней истории Льва Самойловича Клейна за любезное предложение и представленную возможность поместить этот далекий от совершенства текст на данном сайте.

Открытие индоевропейцев

Высокий уровень развития человечества в начале третьего тысячелетия в значительной мере предопределен культурными достижениями европейской цивилизации, основателями и творцами которой были, прежде всего, народы индоевропейской языковой семьи – индоевропейцы (далее и-е). Кроме того, расселение и-е народов в значительной мере предопределило

современную этнополитическую карту Европы и Западной Азии. Этим объясняется чрезвычайная научная значимость проблемы происхождения индоевропейской семьи народов для истории человечества вообще и для первобытной истории Украины в частности.

Тайна происхождения и-е вот уже больше двух столетий волнует ученых многих стран. Главная сложность в ее решении лежит, прежде всего, в комплексности и междисциплинарности проблемы. То есть для ее решения необходимо привлечение данных и методик разных научных дисциплин: лингвистики, археологии, первобытной истории, антропологии, письменных источников, этнографии, мифологии, палеогеографии, ботаники, зоологии, и даже генетики и молекулярной биологии. Ни одна из них отдельно, в том числе и последние сенсационные построения генетиков, не в силах решить проблему самостоятельно.

Чернобыльская катастрофа 1986 г. совпала во времени с 200-летием великого открытия члена Верховного суда Индии в Калькутте сэра Уильяма Джонса, которое Гегель сравнил с открытием Нового Света Колумбом. Читая книгу религиозных гимнов арийских завоевателей Индии Ригведу, У.Джонс пришел к заключению о родственности генетических предшественников и-е языков – санскрита, латыни, древнегреческого, германских, славянских. Дело английского юриста продолжили немецкие лингвисты XIX ст., которые разработали принципы сравнительного анализа языков и окончательно доказали происхождение и-е от одного общего предка. С тех пор тщательно исследованы как современные, так и мертвые и-е языки. Последние известны по священным текстам Ригведы середины II тыс. до н.э., позже записанные санскритом, гимнам Авесты рубежа II-I тыс. до н.э., протогреческому языку древних Микен второй половины II тыс. до н.э., клинописям хеттов Анатолии II тыс. до н.э., тохарским священным текстам Синдзяна Западного Китая.

Классификация индоевропейских языков и народов

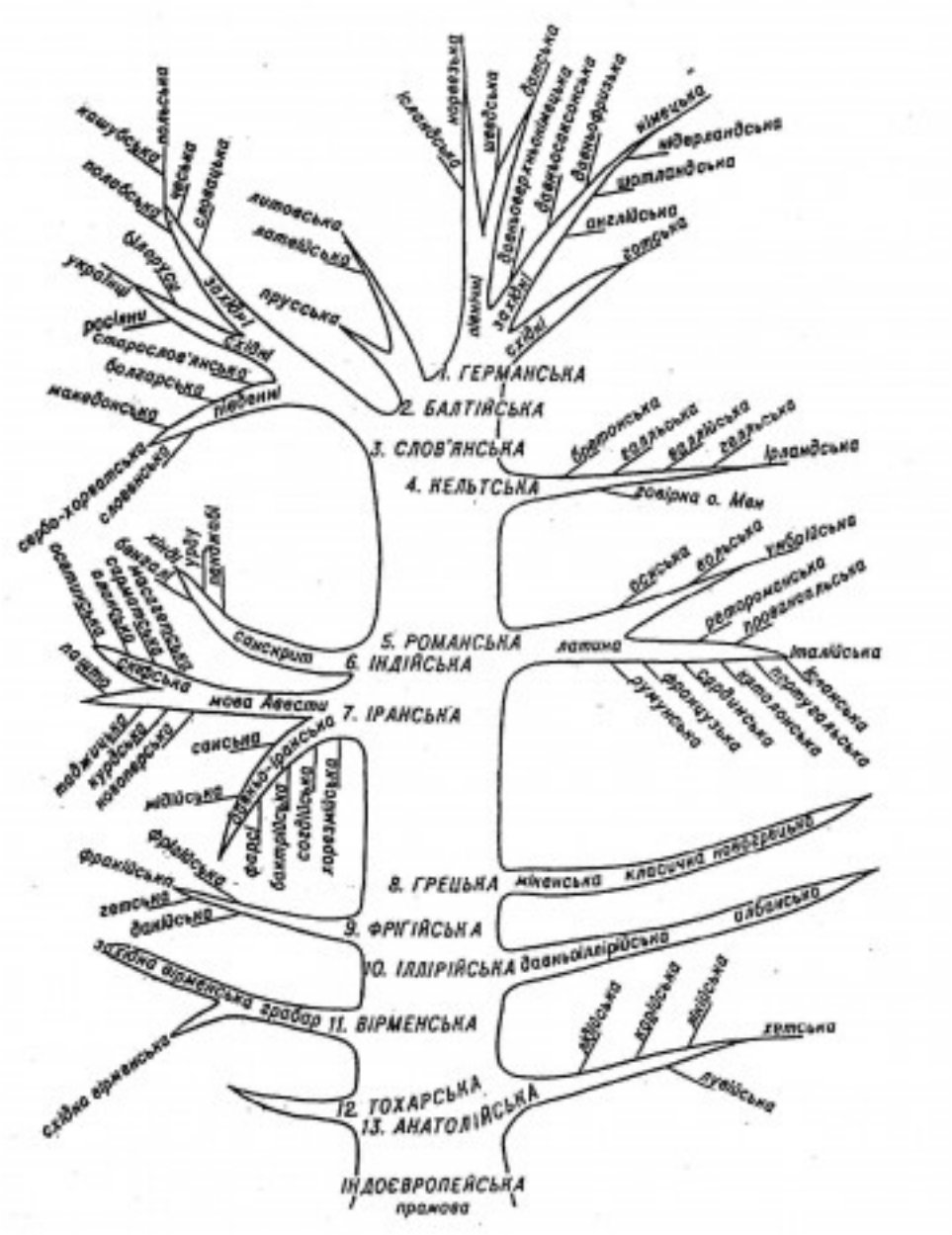

Рис. 1. Древо индоевропейских языков.

В середине XIX ст. немецкий лингвист А.Шлейхер предложил принцип реконструкции праиндоевропейской лексики методом сравнительной лингвистической палеонтологии. Применение сравнительной лингвистики позволило разработать схему генетического древа и-е языков. Следствием столетних усилий лингвистов была классификация и-е языков, которая в основном оформилась к концу XIX ст. Однако и поныне среди специалистов нет единого мнения о количестве не только языков, но и языковых групп и-е народов. К числу наиболее признанных принадлежит классификационная схема, которая охватывает 13 этноязыковых групп и-е народов: анатолийская, индийская, иранская, греческая, италийская, кельтская, иллирийская, фригийская, армянская, тохарская, германская, балтская, славянская (рис. 1). Каждая из этих групп состоит из многих близкородственных живущих ныне и уже мертвых языков.

Анатолийская (хетто-лувийская) группа охватывает хеттский, лувийский, палайский, лидийский, ликийский, карийский, а также, так называемые «малые языки»: писидийский, киликийский, меонский. Они функционировали в Малой Азии (Анатолии) на протяжении II тыс. до н.э. Три первых языка известны с текстов 15000 глиняных клинописных табличек, добытых немецким археологом Гуго Винклером в 1906 г. В процессе раскопок столицы Хеттского царства города Хаттуса восточнее Анкары. Тексты были исполнены аккадской (ассиро-вавилонской) клинописью, но неизвестным языком, который был дешифрован в 1914 г. чехом Б. Грозным и получил название хеттского или несийского. Среди массы ритуальных и деловых текстов на хеттском языке найдены немногочисленные записи на родственном хеттскому лувийском и палайском языках, а также на неиндоевропейском хаттском. Автохтоны Малой Азии хатты были завоеваны в начале III тыс. до н.э. хеттами, однако повлияли на язык индоевропейских завоевателей.

Раннеанатолийские хеттский, лувийский, палалайский языки функционировали в Малой Азии до VIII ст. до н.э. и в античное время дали начало позднеанатолийским лидийскому, карийскому, киликийскому и др. языкам, носители которых были ассимилированы греками в эллинистическое время около III ст. до н.э.

Индийская (индо-арийская) группа: митанийский, ведийский, санскрит, пракриты, урду, хинди, бихали, бенгали, ория, маратхи, синдхи, панджаби, раджастхани, гуджарати, бхили, кхандеши, пахари, кафирские или нуристанские, дардские языки, цыганские диалекты.

На митанийском языке разговаривала правящая верхушка государства Миттани, которое в XV–XIII ст. до н.э. существовало в верховьях Тигра и Евфрата. Индийская группа языков происходит от языка ариев, которые в середине в II тыс. до н.э. продвинулись с севера в долину Инда. Древнейшая часть их гимнов была записана в I тыс. до н.э. ведийским языком, а в III ст. до н.э. – IV ст. н.э. – литературным языком санскритом. Классическим санскритом написаны священные ведийские книги брахманы, упанишады, сутры, а также эпические поэмы Махабхарата и Рамаяна. Параллельно с литературным санскритом в раннесредневековой Индии функционировали живые языки пракриты. От них происходят современные языки Индии: хинди, урду, быхалы, бенгали и т.п. Тексты на хинди известны с XIII ст.

Кафирские, или нуристанские, языки распространены в Нуристане – горном районе Афганистана. В горах Северного Афганистана и прилежащих горных районах Пакистана и Индии распространены близкие кафирским дардские языки.

Иранская (ирано-арийская) группа языков: авестийский, древне-персидский, мидийский, согдийский, хорезмийский, бактрийский, парфянский, пехлеви, сакский, массагетский, скифский, сарматский, аланский, осетинский, ягнобский, афганский, муджанский, памирский, новоперский, таджицкий, талышский, курдский, белуджский, татский м т.д. Ирано-арийская группа родственна индо-арийской и происходит от языка ариев, которые во второй половине II тыс. до н.э. заселили Иран или Айриян, что означает «страна ариев». Позднее их гимны были записаны авестийским языком в священной книге последователей Заратустры Авесте Древнеперский язык представлен клинописями ахеменидского времени (VI–IV ст. до н.э.), в том числе историческими текстами Дария Великого и его преемников. Мидийский – язык племен, которые населяли Северный Иран в VIII–VI ст. до н.э. перед появлением Персидского царства Ахеменидов. Парфяне жили в Центральной Азии III ст. до н. э. – III ст. н.э., до того времени, пока их царство не завоевали в 224 г. Сасаниды. Пехлеви – литературный язык Персии сасанидского времени (III–VII ст. н.э.). В начале нашей эры в Центральной Азии функционировал также согдийский, хорезмийский и бактрийский языки иранской группы.

Среди североиранских языков евразийской степи известны мертвые языки кочевников саков, массагетов, скифов, сарматов, алан и прямых потомков последних осетин Северного Кавказа. Ягнобский язык Средней Азии является прямым продолжением согдийского языка. Много современных иранских языков происходят от фарси – языка Персии раннего средневековья. К ним принадлежит новоперский с литературными памятниками от IX ст. н.э., близкий к ней таджикский, афганский (пашто), курдский, талышский и татский Азербайджана, белуджский и др.

В истории **греческого** языка выделяют три главные эпохи: древнегреческую (XV ст. до н.э. – IV ст. н.э.), византийскую (IV–XV ст. н.э.) и новогреческую (с XV ст.). Древнегреческая эпоха делится на четыре периода: архаический (микенский или ахейский), который датируется XV–VIII ст. до н.э., классический (VIII–IV ст. до н.э.), эллинистический (IV–I ст. до н.э.), позднегреческий (I–IV ст. н.э.). В классический и эллинистический периоды в Восточном Средиземноморье были распространены диалекты: ионийско-аттический, ахейский, эолийский и дорийский. Греческие колонии Северного Причерноморья (Тира, Ольвия, Пантикапей, Танаис, Фанагория и др.) пользовались ионийским диалектом, поскольку были основаны выходцами из столицы Ионии г. Милета в Малой Азии

Древнейшие памятники греческого языка написаны крито-микенским линейным письмом «В» в XV–XII ст. до н.э. Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», описывающие события Троянской войны XII ст. до н.э. впервые были записаны в VIII–VI ст. до н.э. древнегреческим алфавитом, что положило основу классическому греческому языку. Классический период характеризуется распространением в греческом мире аттического диалекта. Именно на нем в эллинистический период формировалось общегреческое койне, которое во время походов Александра Македонского распространилось по всему Восточному Средиземноморью, где господствовало в римские и византийские времена. Литературный язык Византии строго соответствовал нормам классического аттического диалекта V–IV ст. до н.э. Его использовал двор византийского императора вплоть до падения Константинополя под ударами турков 1453 г. Окончательно современный новогреческий язык сформировался только в XVIII–XIX ст.

Италийская (романская) группа языков включают оскский, вольский, умбрийский, латинский и происходящие от последнего романские языки: итальянский, испанский, португальский, каталонский, сардинский, ретороманский, провансальский, французский, румынский и др. Надписи родственными оскским, вольским, умбрийским, латинским, появились в Центральной Италии в середине I тыс. до н.э. В процессе романизации провинций в первой половине I тыс. до н.э. латинские диалекты распространились по Римской империи. В раннем средневековье этот «кухонный латинский» стал основой для формирования романской группы языков.

Кельтскую группу языков составляют галльский, ирландский, бретонский, конский, валлийский, гелльский (шотландский), наречие о.Мен. Античные источники впервые упоминают кельтов в V ст. до н.э. на территориях между Карпатами на востоке и Атлантическим побережьем на западе. В IV–III ст. до н.э. имела место мощная кельтская экспансия на Британские острова, на территорию Франции, Пиренейский, Апеннинский, Балканский полуострова, в Малую Азию, в центральных районах которой они осели под именем галатов. С кельтами связывают латенскую археологическую культуру V–I ст. до н.э., а районом их формирования считают северо-западные предгорья Альп. Вследствие экспансии сначала Римской империи, а позже германских племен (прежде всего англов, саксов, ютов) кельты были вытеснены на крайний северо-запад Европы.

Язык ассимилированных римлянами галлов территории Франции начала I тыс. н.э. известен очень мало по немногочисленным включениям в латинские тексты. Бретонский, корнский, валлийский языки полуостровов Бретонь во Франции, Корнуолл и Уэльс в Великобритании произошли от языка бриттов, которые рассеялись под натиском англосаксов у V–VII ст. Шотландский и менский языки близки с ирландским, который фиксируется письменными источниками IV, VII, XI ст.

Иллирийская группа языков охватывает балкано-иллирийский, месапский, албанский языки. Иллирийцы – группа индоевропейских племен, которая, судя по античным источникам, по крайней мере с VII ст. до н.э. обитала в Карпатской котловине, на Среднем Дунае, на северо-западе Балканского полуострова (рис. 2). Ее археологическим соответствием служит так называемый восточный гальштат VIII–V ст. до н.э. Иллирийские племена были ассимилированы римлянами, а позже южными славянами. Албанский язык – иллирийский реликт, который подвергся существенному влиянию латыни, греческого, славянских и фракийских диалектов. Албанские тексты известны с XV ст. Месапский – ответвление от иллирийского языкового массива северо-запада Балканского полуострова, который сохранился в виде намогильных и бытовых надписей V–I ст. до н.э. на востоке Апеннинского полуострова в Калабрии.

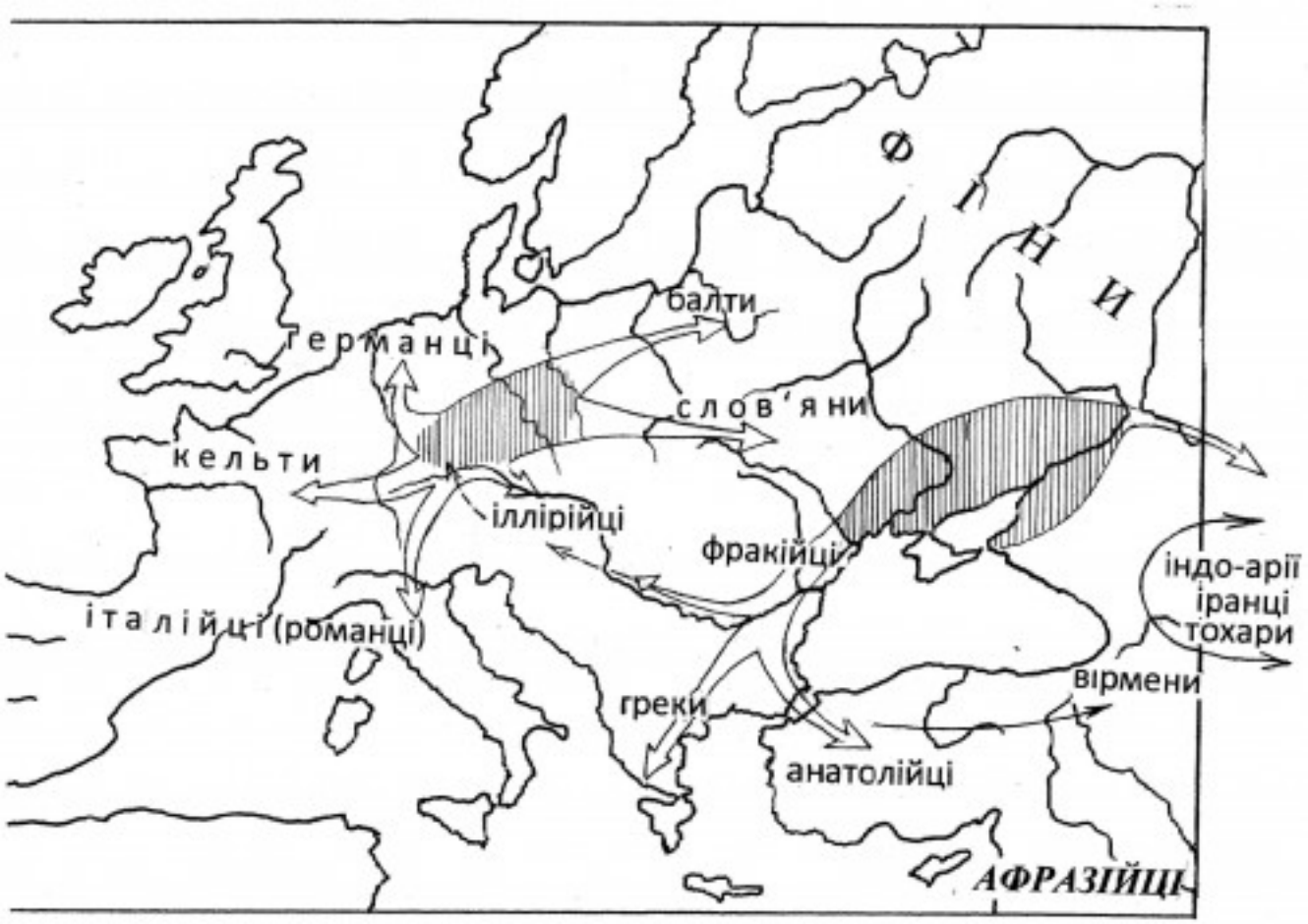

Рис. 2. Языковые группы индоевропейцев. (Залізняк, 2012, с.219)

Во **фригийскую** группу входят фракийские диалекты даков, гетов, мезов, одрисов, трибалов, которые в античные времена обитали в Трансильвании, на Нижнем Дунае и на северо-востоке Балканского полуострова. Они были ассимилированы римлянами в II–IV ст. и славянами в раннем средневековье. Их романизированными потомками были средневековые волохи – прямые предки современных румын, язык которых, однако, принадлежит к романской группе. Фригийцы – народ, предки которого (мушки) в XII ст. до н.э. пришли из северо-востока Балканского полуострова в Малую Азию. И. М. Дьяконов считал,

что они принимали участие в разрушении Трои и Хеттского царства (История Древнего Востока, 1988, т. 2, с. 194). Позже на севере Анатолии возникло государство Фригия со столицей Гордион, которое разрушили киммерийцы около 675 г. до н.э. Фригийские надписи датируются VII–III ст. до н.э.

Армянский язык родственный фригийскому, а через него связан с фракийскими диалектами Балкан. По античным источникам армяне пришли в Закавказье с Фригии, а фригийцы в Малую Азию с Фракии, что подтверждается археологическими материалами. И. М. Дьяконов считал армян потомками фригийцев, часть которых после падения Фригии отошла на восток в Закавказье на земли хуритто-урартийцев. Праармянский язык частично трансформировался под влиянием языка аборигенов.

Древнейшие армянские тексты датируются V ст., когда епископом Месропом Маштоцем был создан армянский алфавит. Язык того времени (грабар) функционировал до XIX ст. В XII–XVI ст. начали формироваться два диалекта современного армянского: восточный араратский и западный константинопольский.

Тохарский язык – условное название и-е диалектов, которые в VI–VII ст. н.э. функционировали в Китайском Туркестане (Уйгурии). Известен из религиозных текстов Синьцзяна. В. Н. Даниленко (1974, с. 234) считал предками тохар население ямной культуры, которое в III тыс. до н.э. достигло Центральной Азии, где трансформировалось в афанасьевскую культуру. В песках Западного Китая найдены мумии светлопигментированых северных европеоидов I тыс. до н.э., геном которых демонстрирует сходство с геномом кельтов и германцев северо-запада Европы. Некоторые исследователи связывают эти находки с тохарами, окончательно ассимилированными в X ст. тюрками-уйгурами.

Германские языки делятся на три группы: северную (скандинавскую), восточную (готскую) и западную. Древнейшие германские тексты представлены архаическими руническими надписями Скандинавии, которые датируются III–VIII ст. н.э. и несут черты общегерманского языка до его расчленения. Многочисленные древнеисландские тексты XIII ст. сохранили богатую скандинавскую поэзию (Старшая Эдда) и прозу (саги) X-XII ст. Приблизительно с XV ст. начался распад древнеисландского, или древнескандинавского, языка на западноскандинавскую (норвежский, исландский) и восточноскандинавскую (шведский, датский) ветви.

К восточногерманской группе, кроме готского, известного по переводу Библии епископом Ульфилой, входили ныне мертвые языки вандалов и бургундов.

К западногерманским языкам относятся древнеанглийский (англосаксонские тексты VII ст.), древнефризский, древненижненемецкий (саксонские тексты IX ст.), древневерхненемецкий. Древнейшими памятниками западногерманских языков есть англо-саксонский эпос VIII ст. «Беовульф», известный по рукописям X ст., верхненемецкая «Песнь про Нибелунгов» VIII ст., саксонский эпос IX ст. «Хелиад».

Среди современных германских языков – английский, который в XI–XIII ст. подвергся существенному влиянию французского, фламандский – потомок древнефризского, голландский – ответвление древненижненемецкого. Современный немецкий язык состоит из двух диалектов – в прошлом отдельных языков (нижненемецкого и верхненемецкого). Среди германских языков и диалектов современности следует упомянуть идиш, бурский, фарерский, швейцарский.

Балтские языки делятся на западнобалтские – мертвый прусский (исчез в XVIII ст.) и ятвягский, который был распространен в средние века на территории Северо-Восточной Польши и Западной Белоруссии, и восточнобалтские. К последним относят литовский, латвийский, латгальский, а также распространенный до XVII ст. на Балтийском побережье Литвы и Латвии куршский. Среди мертвых селонский и голядский Подмосковья, балтский язык Верхнего Поднепровья. В начале средневековья балтские языки были распространены от Нижней Вислы на западе до Верхней Волги и Оки на востоке, от Балтии на севере до Припяти, Десны и Сейма на юге. Балтские языки полнее других сохранили древнюю языковую индоевропейскую систему.

Славянские языки делятся на западные, восточные и южные. Восточнославянские **–** украинский, белорусский, русский. Западнославянские делятся на три подгруппы: лехитскую (польский, кашубский, полабский), чешско-словацкую и серболужецкую. Родственный с полабским кашубский язык был распространен в Польском Поморье западнее Нижней Вислы. Лужицкий – язык лужицких сербов верховьев Шпрее в Германии. Южнославянские языки — сербский, хорватский, болгарский, словенский, македонский. Славянские языки близки между собой, поскольку происходят от одного древнеславянского языка, который распался относительно недавно в V–VII ст. Предположительно носителями древнеславянского до его распада были анты и склавины территории Украины, археологическими соответствиями которых было население культур Прага-Корчак и Пеньковка.

Большинство современных индоевропеистов, признавая существование 13 упомянутых групп индоевропейских языков, отказались от упрощенной схемы этногенеза индоевропейских народов по принципу генетического дерева, предложенному еще в XIX ст. Очевидно процесс глоттогенезиса и этногенеза происходил не только путем трансформации или разделения материнского языка на дочерние, но, возможно в большей мере, в процессе взаимодействия языков между собой, в том числе

и с неиндоевропейскими.

Высокую степень родственности индоевропейских языков ученые объясняют их происхождением от общего генетического предка – протоиндоевропейского языка. Имеется в виду, что более 5 тыс. лет тому назад в каком-то ограниченном регионе Евразии жил народ, от языка которого ведут начало все индоевропейские языки. Перед наукой возникла задача поисков родины индоевропейских народов и выявления путей их расселения. Под индоевропейской прародиной лингвисты имеют в виду регион, который занимали носители праязыка до его распада в IV тыс. до н.э.

История поисков индоевропейской прародины

Поиски и-е прародины имеют двухсотлетнюю драматическую историю, которую неоднократно анализировали разные исследователи (Сафронов 1989). Сразу же после открытия Уильяма Джонса прародиной была провозглашена **Индия**, а санскрит Ригведы рассматривался чуть ли не предком всех языков, который будто бы сохранил все особенности индоевропейского протоязыка. Считалось, что благодаря благоприятному климату Индии происходили демографические взрывы, и избытки и-е населения расселялись на запад в Европу и в Западную Азию.

Однако очень скоро выяснилось, что языки иранской Авесты ненамного младше санскрита Ригведы. То есть общий предок всех и-е народов мог жить в **Иране** или где-то на **Ближнем Востоке**, где именно в это время были сделаны великие археологические открытия.

В 30—50 гг. XIX ст. индоевропейцев выводили из **Центральной Азии**, которую тогда считали «кузницей народов». Эта версия подпитывалась историческими данными о миграционных волнах, которые периодически прибывали из Центральной Азии в Европу на протяжении последних двух тысяч лет. Имеются в виду приход в Европу сарматов, тюркских и монгольских племен гуннов, болгар, авар, хазар, печенегов, торков, половцев, монголов, калмыков и др. К тому же в это время вырос интерес европейцев к Центральной Азии, поскольку началась ее колонизация русскими с севера и англичанами с юга.

Однако бурное развитие лингвистической палеонтологии в середине XIX ст. показало несоответствие Азии природно-климатическим реалиям прародины. Реконструированный лингвистами общий и-е язык свидетельствовал, что прародина располагалась в регионе с умеренным климатом и соответствующей ему флорой (береза, осина, сосна, бук и т.п.) и фауной (тетерев, бобр, медведь и т.п.). Кроме того, выяснилось, что большинство и-е языков локализировались не в Азии, а в Европе. Между Рейном и Днепром концентрируется подавляющее большинство древних индоевропейских гидронимов.

Со второй половины XIX ст. многие исследователи переносят и-е прародину в **Европу**. Взрыв немецкого патриотизма во второй половине XIX ст., обусловленный объединением Германии О. Бисмарком, не мог не повлиять на судьбу индоевропеистики. Ведь большинство специалистов того времени были этническими немцами. Так рост немецкого патриотизма стимулировала популярность концепции происхождения и-е с территории Германии.

Ссылаясь на установленный лингвистами умеренный климат прародины, ее начинают локализировать именно в **Германии**. Дополнительным аргументом послужила североевропеоидная внешность древнейших индоевропейцев. Светлые волосы и голубые глаза – признак аристократичности как у ариев Ригведы, так и древних греков, судя по их мифологии. Кроме того, немецкие археологи пришли к заключению о беспрерывном этнокультурном развитии на территории Германии от археологической культуры линейно-ленточной керамики VI тыс. до н.э. до современных немцев.

Основателем этой концепции считают Л.Гейгера, который в 1871 г., опираясь на аргумент бука, березы, дуба, ясеня угря и трех времен года в реконструированном языке праиндоевропейцев, а также на свидетельства Тацита об автохтонности германцев на восток от Рейна предложил Германию в качестве возможной прародины индоевропейцев (Geiger, 1871).

Значительный вклад в развитие центральноевропейской гипотезы происхождения и-е внес известный немецкий филолог Герман Хирт. Он пришел к выводу, что немецкий язык является прямым потомком праиндоевропейского. Языки других и-е народов будто бы возникли в процессе смешивания языка прибывших с севера Центральной Европы индогерманцев с языками аборигенов (Hirt 1892).

Идеи Л.Гейгера и Г.Хирта существенно развил Густав Косинна. Филолог по образованию Г.Косинна проанализировал громадный археологический материал и в 1926 г. издал книгу «Происхождение и распространение германцев в доисторическое и раннеисторическое время» (Kossinna 1926), которую использовали нацисты в качестве научного обоснования своей агрессии на восток. Г.Косинна прослеживает за археологическими материалами эпохи неолита и бронзы «14 колониальных походов мегалитических индоевропейцев на восток через Среднюю Европу до Черного моря». Понятно, что эта политизированная псевдонаучная версия расселения и-е потерпела крах вместе с Третьим Рейхом.

В 70-х годах XX ст. П.Босх-Жимпера (1961) и Г. Девото (1962) выводили и-е из культуры линейно-ленточной керамики. Они

осуществили попытку проследить фазы развития и-е от дунайского неолита V тыс. до н.э. до эпохи бронзы и даже до исторических и-е народов раннежелезного века. П. Босх-Жимпера считал культуру Триполье индоевропейской, поскольку, по его мнению, она формировалась на основе культуры линейно-ленточной керамики.

Рис.3. Степной курган

Почти вместе с **центральноевропейской** концепцией происхождения и-е родилась и **степная**. Ее сторонники считают прародиной степи от Нижнего Дуная до Волги. Основоположником этой концепции по праву считается выдающийся немецкий ученый, энциклопедист индоевропеистики Освальд Шрадер. В своих многочисленных трудах, которые увидели свет между 1880 и 1920 гг., он не только обобщил все достижения лингвистов, но и проанализировал и существенно развил их с привлечением археологических материалов, в том числе из причерноморских степей. Лингвистическая реконструкция скотоводческого общества древних индоевропейцев была блестяще подтверждена археологией. О.Шрадер считал протоиндоевропейцами скотоводов восточноевропейской степи III–II тыс. до н.э., которые оставили на Юге Восточной Европы тысячи курганов (рис. 3). Поскольку и-е языки распространены в Европе и Западной Азии, то, по мнению О.Шрадера, их прародина должна располагаться где-то посередине – в степях Восточной Европы.

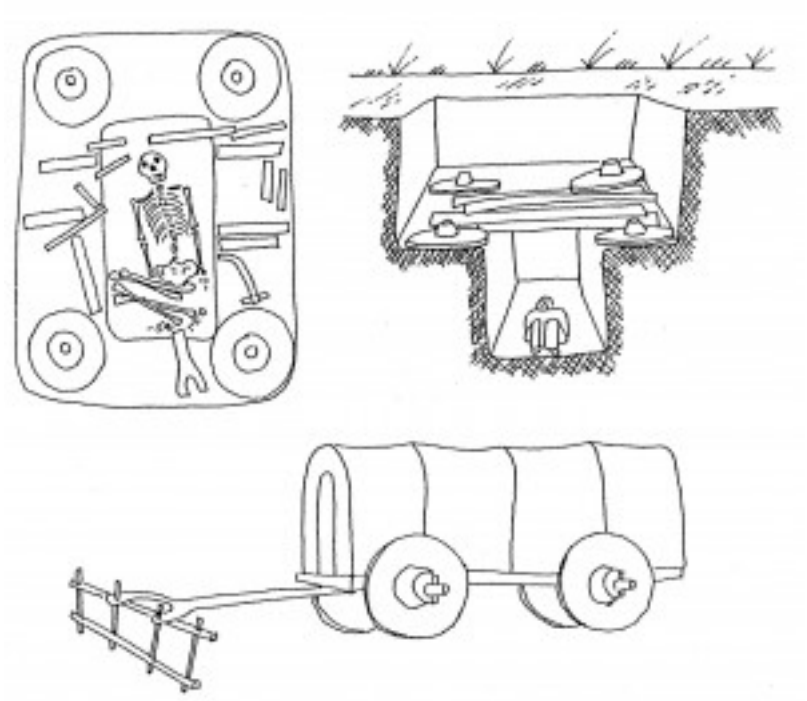

Рис. 4. Погребение степняка ямной культуры III тыс. до н.э. (Давня історія України, 1994, с.63)

Гордон Чайлд в книге «Арийцы» 1926 г. существенно развил идеи О. Шрадера, сузив прародину индоевропейцев к степям Украины. На основании новых археологических материалов он показал, что подкурганные погребения с охрой на юге Украины (рис. 4) оставлены древнейшими индоевропейскими скотоводами, которые именно отсюда начали расселяться по Евразии.

Будучи последователем Г. Чайлда, Т. Сулимирский (1933; 1968) высказал мысль, что и-е культуры шнуровой керамики Центральной Европы, сформировались вследствие миграции ямников с причерноморских степей на запад.

В своей книге 1950 г. Г. Чайлд поддержал Т. Сулимирского и сделал вывод, что ямники с юга Украины через Подунавье мигрировали в Центральную Европу, где положили начало культурам шнуровой керамики, от которых большинство исследователей выводят кельтов, германцев, балтов, славян. Ямную культуру юга Восточной Европы исследователь считал нерасчлененными и-е, которые продвинулись не только на Верхний Дунай, но и на север Балкан, где основали баденскую культуру, а также в Грецию и Анатолию, где положили начало греческой и анатолийской ветвям и-е.

Радикальной последовательницей Гордона Чайлда была Мария Гимбутас (1970, с.483; 1985), которая считала ямников протоиндоевропейцами , «которые продвигались на запад и юг в V-IV тыс. до н.э. с нижнего Дона и Нижней Волги». Под индоевнропеизацией Европы исследовательница понимала расселение воинствующих носителей курганной культуры степей Восточной Европы на Балканы и в Западную Европу, заселенную в то время неиндоевропейскими группами балкано-дунайского неолита и культуры воронковидных кубков.

Из-за схематизма, игнорирования лингвистических данных и некоторого радикализма работы М.Гимбутас подверглись критике, но ее вклад в развитие идей О.Шрадера и Г.Чайлда безусловный, а степная версия происхождения индоевропейцев остается достаточно убедительной. Среди ее последователей следует вспомнить В.Даниленко (1974), Д.Мэллори (1989), Д.Энтони (1986; 1991), Ю.Павленко (1994) и др.

Ближневосточная версия происхождения и-е родилась на рассвете индоевропеистики. В 1822 р. Г.Линк и Ф.Миллер помещали и-е родину в Закавказье. Под влиянием панвавилонизма Т.Момзен считал, что и-е происходят из Месопотамии. Однако наиболее развернутую аргументацию происхождение и-е с Ближнего Востока, точнее с Армянского нагорья представили в своей двухтомной энциклопедической работе 1984 г. Г.Т.Гамкрелидзе и В.В.Иванов. На основании глубокого анализа огромного массива лингвистического материала и обобщения наработок предшественников исследователи дали широкую картину хозяйства, быта, материальной культуры, верований праиндоевропейцев и природно-ландшафтную характеристику их прародины.

Вместе с тем, размещение прародины на **Армянском нагорье** и попытка аргументировать путь заселения индоевропейцами Европы в обход Каспийского моря с востока не выдерживает критики. Для Закавказья не свойственны растения (осина, граб, тис, вереск) и животные (бобр, рысь, тетерев, лось, краб), которые характерны для и-е родины. Очень малочисленна тут и соответствующая гидронимика. Не подтверждается археологическим материалом и путешествие и-е вокруг Каспия через Среднюю Азию, Нижнее Поволжье и степи Украины на запад.

Колин Ренфрю (1987) размещает и-е родину в границах полумесяца плодородия – на юге **Анатолии**. Это предположение принципиально для его концепции, потому что она базируется на очевидном факте миграции ранних земледельцев Ближнего Востока на запад в Европу и на восток в Азию. Исследователь оттолкнулся от ностратической концепции В. Иллича-Свитыча (1964, 1971), в соотствии с которой лингвистическое родство и-е с народами афразийской, эламо-дравидийской, уральской и сино-кавказской семей объясняется их общей прародиной на Ближнем Востоке. Указав, что носители упомянутых языков родственны также генетически, К.Ренфрю утверждает, что их расселение с общей прародины состоялось в VIII-V тыс. до н.э. в процессе распространения воспроизводящего хозяйства (Renfrew, 1987). Не опровергая сам факт упомянутых миграций, большинство индоевропеистов сомневается, что среди мигрантов с Ближнего Востока были индоевропейцы.

Балканская концепция происхождения и-е связана с открытием в первой половине XX ст. балкано-дунайской неолитической протоцивилизации VII-V тыс. до н.э. Именно отсюда по данным археологии состоялась неолитизация Европы. Это дало основание Б.Горнунгу (1956) и В.Георгиеву (1966) предположить, что праиндоевропейцы сформировались на Нижнем Дунае вследствие смешивания местных мезолитических охотников с неолитическими мигрантами с Балкан. Слабым местом концепции является чрезвычайная бедность мезолита Нижнего Дуная. Прародиной и-е считал Балканы и И.Дьяконов (1982).

Прародина индоевропейцев по данным палеолингвистики

Реалии и-е прародины должны соответствовать природно-ландшафтным, социально-экономическим и культурно-историческим характеристикам, реконструированным с помощью лингвистического анализа древнейших общих элементов базового словаря разных и-е языков.

XIX столетие было эпохой смелых реконструкций общества, хозяйства, культуры, духовного мира, природного окружения ранних индоевропейцев с помощью так называемой лингвистической палеонтологии. Удачные работы А.Куна (Kuhn, 1845) и Я.Гримма (Grimm, 1848) спровоцировали многочисленные палеолингвистические исследования, авторы которых не всегда придерживались строгих правил сравнительного анализа и-е языков. Критика попыток реконструкций праиндоевропейских реалий с помощью лингвистического анализа дала возможность А.Шлейхеру (1863) ввести такие реконструкции в рамки строгих правил. Однако настоящее открытия мира праиндоевропейцев принадлежит О.Шрадеру (1886), который обобщил результаты реконструкций предшественников, уточнив и проверив их с привлечением материалов эпохи бронзы, которые в это время появились в распоряжении исследователей.

Методом лингвистической палеонтологии ученым удалось реконструировать этапы формирования и-е праязыка. Опираясь на разработки Ф.Соссюра и А.Мейе, М.Д.Андреев (1986) предположил существование трех стадий его формирования: бореальной, ранне- и поздне-индоевропейской.

Реконструированный на основе общей и-е лексики праязык на этапе, предшествующем ее распаду в IV тыс. до н.э. на отдельные языковые группы анализировали Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов (1984). Праиндоевропейский словарь свидетельствует, что его носители жили в умеренной зоне, хотя и с резко континентальным климатом, с холодными зимами и теплым летом. Жили как в горной, так и в равнинной местности, среди рек, болот, хвойных и лиственных лесов. Были хорошо знакомы с природно-климатической спецификой степей.

Экономика праиндоевропейцев на момент распада имела скотоводческо-земледельческий характер. Однако значительное развитие скотоводческой терминологии свидетельствует о доминировании в хозяйстве именно этой отрасли. Среди домашних животных фигурируют лошадь, бык, корова, овца, коза, свинья, собака. Доминировало отгонное скотоводство мясомолочного направления. Праиндоевропейцы владели совершенными методами обработки продуктов животноводства: шкур, шерсти, молока. Культ коня и быка занимал важное место в идеологии.

Достаточно высокого уровня достигло земледелие. Совершился переход от мотыжного к ранней форме пашенного земледелия, с применением рала и сохи, которую тянула пара волов. Выращивали ячмень, пшеницу, лен. Урожай собирали серпами и молотили, зерно мололи зернотерками и жерновами. Пекли хлеб. Знали садоводство (яблоки, вишни, виноград) и пчеловодство. Изготавливали разнообразную глиняную посуду. Были знакомы с металлургией меди, бронзы, серебра, золота. Особую роль играл колесный транспорт: в повозки запрягали быков, коней. Умели ездить верхом.

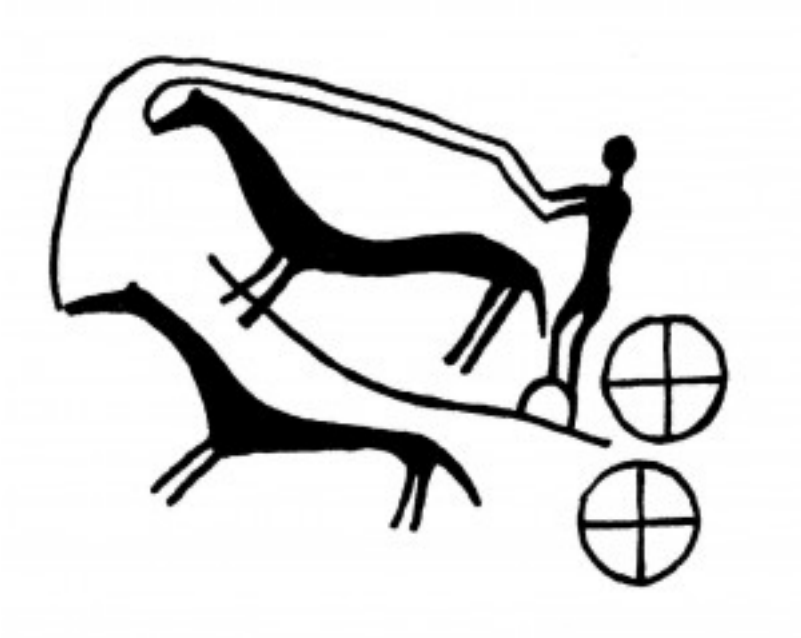

Рис. 5. Изображение боевой индоевропейской колесницы на могильной плите II тыс. до н.э. (Швеция). (Меллори 1989)

Значительная роль скотоводства в хозяйстве обусловила специфику общественного строя. Он характеризировался патриархальностью, доминированием мужчины в семье и роде, воинственностью. Общество делилось на три страты: жрецов, военную аристократию и простых общинников (пастухов, земледельцев, воинов). Воинственный дух эпохи отражался в строительстве первых укрепленных поселений – крепостей. Своеобразие духовного мира состояло в сакрализации войны,

верховного бога-воина. Поклонялись оружию, коню, боевой колеснице (рис. 5), огню, солнцу-колесу, символом которых была свастика.

Важным элементом и-е мифологии является мировое дерево. Кстати, это свидетельствует, что прародина была достаточно лесистым регионом. Точнее локализировать ее помогают растения и животные, названия которых присутствуют в воссозданном лингвистами позднеевропейском языке.

Растения: дуб, береза, бук, граб, ясень, осина, верба, тис, сосна, орех, вереск, роза, мох. Животные: волк, медведь, рысь, лисица, шакал, дикий кабан, олень, лось, дикий бык, заяц, змея, мышь, вошь рыба, птица, орел, журавль, ворона, тетерев, гусь, лебедь, барс-леопард, лев, обезьяна, слон.

Четыре последних животных нетипичны для европейской фауны, хотя львы и барсы обитали на Балканах еще 2 тыс. лет. назад. Установлено, что слова, обозначающие барса, льва, обезьяну и слона, в и-е праязык попали с Ближнего Востока, скорее всего от афразийцев Леванта (Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 506, 510).

Таким образом, растительный и животный мир и-е прародины отвечает умеренной зоне Европы. Это дало основание большинству современных исследователей размещать ее между Рейном на западе, Нижней Волгой на востоке, Балтией на севере и Дунаем на юге (Bosh-Gimpera, 1961; Devoto, 1962; Grossland, 1967; Gimbutas, 1970; 1985; Häusler, 1985; Горнунг, 1964; Georgiev, 1966; Mallory, 1989; Childe, 1926; Sulimirski, 1968, Залізняк, 1994, 1999, 2012, Павленко, 1994, Конча, 2004). В тех же пределах размещает прародину в своей фундаментальной монографии 2007 г. Л.С.Клейн.

Реконструкция единого словаря праиндоевропейцев дала основание утверждать, что до своего распада они уже знали земледелие, скотоводство, керамическую посуду, металлургию меди и золота, колесо, то есть находились на стадии энеолита. Другими словами, распад произошел не позднее IV — III тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с.667-738, 868-870). О том же свидетельствует открытие хеттского, палайского, лувийского отдельных и-е языков вследствие дешифровки текстов из библиотеки столицы Хеттского царства Хатусы II тыс. до н.э. Так как имеются убедительные археологические доказательства, что хетты пришли в Анатолию в начале III тыс. до н.э., то распад праиндоевропейцев на отдельные ветви начался не позднее IV тыс. до н.э.

Г.Кюн считал, что праиндоевропейское единство существовало в верхнем палеолите, и связывал его с мадленской культурой Франции (Kühn, 1932). С.В.Конча видит нерасчлененных индоевропейцев в раннем мезолите низменностей между Нижним Рейном на западе и Средним Днепром на востоке (Конча, 2004).

Лингвистические контакты праиндоевропейцев

Архаическая и-е гидронимика концентрируется в Центральной Европе между Рейном на западе, Средним Днепром на востоке, Балтикой на севере и Дунаем на юге (Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 945).

Точнее локализировать прародину позволяют выявленные в и-е языках следы контактов с финно-уграми, картвелами и народами Ближнего Востока (прахаттами, прахуриттами, афразийами, шумерами, эламцами). Лингвистический анализ свидетельствует, что прафинно-угры до их распада в III тыс. до н.э. заимствовали у и-е значительное количество сельскохозяйственной терминологии (свинья, поросенок, коза, зерно, сено, секира-молот и др.). Разнообразная и-е лексика присутствует в картвельских языках (грузинском, мегрельском, сванском) (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 877). Особенно важным для локализации и-е прародины является наличие в их языках параллелей с языками народов Ближнего Востока.

Известный лингвист В.Иллич-Свитыч (1964) отмечал, что определенную часть аграрной и животноводческой лексики и-е заимствовали у прасемитов и шумеров. В качестве примера прасемитских заимствований исследователь назвал слова: tauro – бык, gait – коза, agno – ягненок, bar – зерно, крупа, dehno – хлеб, зерно, kern – жернов, medu – мед, сладкий, sekur – секира, nahu – сосуд, корабль, haster – звезда, septm – семь, klau – ключ и др. По В. Илличу-Свитычу, из языка шумеров и-е заимствовали слова: kou – корова, reud – руда, auesk – золото, akro – нива, duer – двери, hkor – горы и др. (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 272–276).

Однако особенно много земледельческой и животноводческой терминологии, названий продуктов питания, предметов быта и-е заимствовали у прахаттов и прахуритов, прародину которых локализуют в Анатолии и в верховьях Тигра и Евфрата. С. А. Старостин (1988, с. 112–163) считает, что приведенные В. Илличем-Свитычем корни klau, medu, akro, bar и некоторые другие вовсе не прасемитские или шумерские, а хатто-хуритские. Кроме того он наводит многочисленные примеры хатто-хуритской лексики в и-е языках. Вот лишь некоторые из них: ekuo – конь, kago – коза, porko – поросенок, hvelena – волна, ouig – овес, hag – ягода, rughio – рожь, lino – льон, kulo – кол, спис, gueran – жернов, sel – село, dholo – долина, arho – простор, ареал, tuer – творог, sur – сыр, bhar – ячмень, penkue – пять и многие другие. Анализ этих лингвистических заимствований свидетельствует, что произошли они в процессе непосредственных контактов праиндоевропейцев с более развитыми прахатто-

хуритами не позже V тыс. до н.э. (Старостин, 1988, с. 112–113, 152–154).

Характер всех этих выразительных языковых параллелей между праиндоевропейским, с одной стороны, и с праугрофиннским, пракартвельским, языками упомянутых народов Ближнего Востока с другой, свидетельствует, что они есть следствием тесных контактов праиндоевропейцев с указанными народами. То есть, искомая прародина должна была находится где-то между родинами этих этнических групп, что дает возможность точнее ее локализировать. Известно, что прародина финно-угров – лесостепи между Доном и Уралом, картвелов – Центральный Кавказ. Относительно упомянутых ближневосточных заимствований в и-е языках, то их источником, по нашему мнению, мог быть балкано-дунайский неолит, в том числе носители трипольской культуры Правобережной Украины. Ведь неолитическая колонизация Балкан и Подунавья происходила VII — VI тыс. до н.э. с Малой Азии родины хатто-хуритов.

Анализ современных версий и-е прародины

В наше время пять регионов претендуют на почетное право называться и-е прародиной: Центральная Европа между Рейном и Вислой (И. Гейгер, Г. Хирт, Г. Косинна, П. Босх-Жимпера, Г. Девото), Ближний Восток (Т. Гамкрелидзе, В. Иванов, К. Ренфрю), Балканы (Б. Горнунг, В. Георгиев, И. Дьяконов) и лесостепная и степная зоны между Днестром и Волгой (О. Шрадер, Г. Чайлд, Т. Сулимирский, В. Даниленко, М. Гимбутас, Д. Мэллори, Д. Энтони, Ю. Павленко). Часть исследователей обьединяют в и-е прародину Центральную Европу с восточноевропейскими степями до Волги (А.Хойслер, Л.Зализняк, С.Конча). Какая из этих версий более правдоподобна?

Концепция происхождения и-е с **Центральной Европы** (земель между Рейном, Вислой и Верхним Дунаем) была особенно популярна в конце XIX – в первой половине XX ст. Как отмечалось, ее основоположниками были Л. Гейгер, Г. Хирт, Г. Косинна.

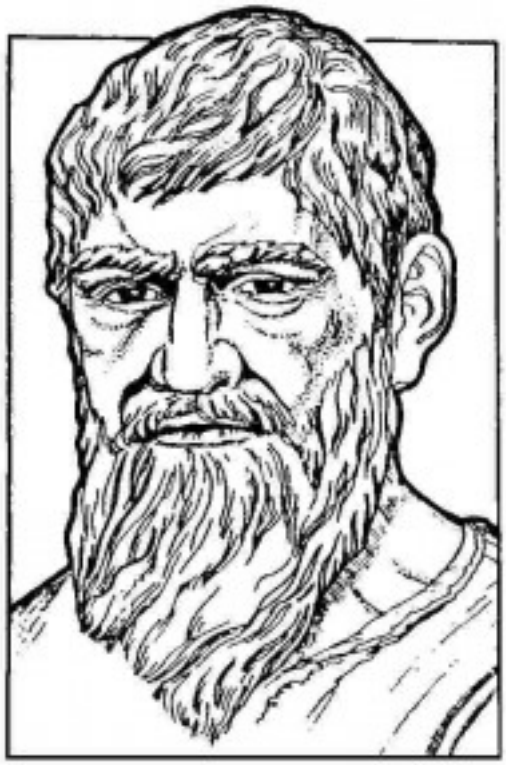

Рис. 6. Индоевропеец. Реконструкция по черепу. (Давня історія України, 1994, с.29)

В основе построений упомянутых немецких исследователей лежит совпадение природно-климатических реалий праиндоевропейского словаря с природой и умеренным климатом Центральной Европы, а также североевропеоидная внешность ранних и-е (рис. 6). Немаловажным является и факт совпадения основного ареала и-е гидронимики с территориями нескольких археологических культур. Имеются в виду культуры линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков, шаровидных амфор, шнуровой керамики, которые с VI по II тыс. до н.э. последовательно сменяли друг друга на указанных территориях Центральной Европы.

В индоевропейском характере культур шнуровой керамики сейчас никто не сомневается. Их генетическими предшественниками были культуры воронковидных кубков и шаровидных амфор. Однако нет оснований называть

индоевропейской культуру линейно-ленточной керамики, поскольку в ней отсутствуют реконструируемые лингвистами определяющие и-е черты: скотоводческое направление экономики, доминирование мужчин в обществе, воинственный характер последнего — присутствие военной элиты, крепостей, культа войны, оружия, боевой колесницы, коня, солнца, огня и т.п. Носители традиций культуры линейно-ленточной керамики, по нашему мнению, принадлежали к кругу неолита Балкан, неиндоевропейский характер которого признают большинство исследователей.

Размещению прародины в Центральной Европе мешает присутствие в и-е языках следов тесных лингвистических контактов с пракартвелами Кавказа и финно-уграми, родиной которых были лесостепи между Доном и Южным Уралом. Если праиндоевропейцы жили в Центральной Европе, то как они могли контактировать с жителями Кавказа и Задонья?

Большинство современных ученых считают Центральную Европу родиной шнуровых культур III-II тыс. до н.э., носители которых были предками северных ветвей и-е: кельтов, германцев, балтов, славян. Однако родиной всех и-е народов Центральная Европа не могла быть потому, что южных и-е (иллирийцы, фригийцы, греки, хетты, италики, армяне), а также восточных (индо-иранцы) невозможно вывести от шнуровиков ни лингвистически, ни археологически. Кроме того, в лесостепях и степях Украины и-е появились раньше древнейших шнуровиков – не позднее конца V тыс. до н.э. (среднестоговцы).

Ближний Восток также не мог быть и-е прародиной, потому что тут была родина неиндоевропейских этносов: хаттской, хуритской, эламской, афразийской лингвистических общностей. Картографирование и-е языков показывает, что этот регион был южной периферией их ойкумены. И-е хетты, лувийцы, палайцы, фригийцы, армяне появляются тут достаточно поздно – в III-II тыс. до н.э., то есть уже после распада праиндоевропейского языка в IV тыс. до н.э. В отличие от Европы тут почти отсутствует и-е гидронимика.

Холодный континентальный климат прародины с морозной снежной зимой не отвечает реалиям Ближнего Востока. Нет тут почти половины растений и животных, которые фигурируют в и-е языке (осина, граб, липа, вереск, бобр, тетерев, рысь и т.п.). С другой стороны, в и-е словаре отсутствуют названия типичных представителей ближневосточной фауны и флоры (кипарис, кедр и т.п.). Что касается льва, барса, обезьяны и слона, то их названия оказались заимствованными с прасемитского. Если эти животные были типичными для и-е прародины, то зачем было их заимствовать у южных соседей? Праиндоевропейцы не могли жить на Ближнем Востоке потому, что сильное влияние их языка прослежено у финно-угров, родина которых расположена слишком далеко на север от Ближнего Востока, что исключает возможность контактов с ними.

Допустив, что и-е происходят с **Балкан,** мы проигнорируем их языковые связи не только с финно-уграми, но и с картвелами Кавказа. Невозможно вывести с Балкан и их восточную ветвь – индо-иранцев. Этому противоречат данные как археологии, так и лингвистики. И-е гидронимы известны лишь на севере Балкан. Основная их масса распространена севернее, между Рейном и Днепром. Гипотезе о происхождении и-е от балканских неолитических земледельцев противоречит и тот факт, что появление первых и-е на исторической арене в IV–III тыс. до н. э. совпало с аридизацией климата, выделением скотоводства в отдельную отрасль и его распространением на гигантских просторах Евразии и, наконец, с коллапсом самого земледельческого неолита Балкан и Подунавья. Что же дает основание некоторым исследователям считать Балканский полуостров и-е прародиной?

Известный исследователь Колин Ренфрю справедливо считает, что грандиозному лингвистическому явлению распространения и-е языков должен отвечать не менее масштабный социально-экономический процесс. По мнению ученого таким глобальным явлением в первобытной истории была неолитизация Европы. Имеется в виду расселение древних земледельцев и животноводов с Ближнего Востока на Балканы и далее в Европу.

Аргументированную критику попыток К.Ренфрю вывести и-е из Ближнего Востока с позиций новых генетических исследований дал Р.Солларис (1998, с.128, 129). Биомолекулярный анализ палеоантропологических и палеозоологических остатков демонстрирует соответствие изменения генома европейцев и доместицированных животных ближневосточного происхождения. Это убедительно свидетельствует о колонизации Европы неолитическим населением с Ближнего Востока. Однако субстратные явления в греческом и других и-е языках свидетельствуют, что и-е пришли на Балканы уже после их освоения неолитическими колонистами из Анатолии. Генетическое родство народов ностратической семьи языков Евразии объясняется, по мнению Р.Солляриса (1988, с.132), существованием общих предков населения Евразии, которые еще в начале верхнего палеолита 40 тыс. лет назад расселились из Западного Средиземноморья на запад и восток.

Факт перетекания «излишков» раннеземледельческого населения с Ближнего Востока на Балканы и далее в Европу не вызывает сомнения. Однако было ли оно индоевропейским? Ведь археология свидетельствует, что с первых очагов производящей экономики на юге Анатолии, в Сирии, Палестине, в горах Загросу вырастает не и-е, а эламская, хаттская, хуритская, шумерская и афразийская общности. Именно в последних имеют прямые параллели материальная и духовная культура и экономика неолитических земледельцев Балкан. Их антропологический тип близок к типу неолитических жителей Ближнего Востока и существенно отличается от антропологии первых достоверных индоевропейцев, живших в IV тыс. до н. э. в Центральной Европе (культура шнуровой керамики) и в лесостепях между Днепром и Волгой (среднестоговская и ямная культуры). Если неолитическое население Балкан и Ближнего Востока было носителем южноевропейского или

средиземноморского антропологического типа (грацильные, невысокие европеоиды), то упомянутые индоевропейцы были массивными, высокими северными европеоидами (Потехина 1992) (рис. 6). Глиняные статуэтки с Балкан изображают людей с большим носом специфической формы (Залізняк, 1994, с. 85), которые являются важной определяющей чертой восточносредиземноморского антропологического типа, по В.П.Алексееву (1974, с. 224, 225).

Прямым потомком неолитической протоцивилизации Балкан была Минойская цивилизация, которая сформировалась на о.Крит около 2000 г. до н.э. По М.Гимбутас минойское линейное письмо «А» происходит от знаковой системы неолитических земледельцев Балкан IV тыс. до н. э. Попытки дешифровки текстов минойцев показали, что их язык принадлежит к группе семитских (Gimbutas 1985; Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 912, 968; Renfrew 1987, p.50). Поскольку минойцы были потомками Балканского неолита, то последний никак не мог быть индоевропейским. Как археологи, так и лингвисты пришли к выводу, что до появления первых и-е в Греции во II тыс. до н. э. тут жили неиндоевропеские племена.

Таким образом, культурно, лингвистически, антропологически и генетически балканский неолит был тесно связан с неиндоевропейской неолитической протоцивилизацией Ближнего Востока. Похоже, что упомянутое значительное число сельскохозяйственных терминов ближневосточного происхождения в и-е языках объясняется интенсивным культурным влиянием балканских земледельцев, генетически связанных с Ближним Востоком, на предков и-е – аборигенов Центральной и юга Восточной Европы.

Степная версия происхождения индоевропейцев

К наиболее аргументированным и популярным в наше время версиям расположения прародины и-е народов относится степная, по которой и-е зародились в степях между Днестром, Нижней Волгой и Кавказом. Ее основоположниками были упомянутые О.Шрадер (1886) и Г.Чайлд (1926, 1950), которые еще в конце XIX – начале XX ст. высказали мысль, что первый импульс к индоевропеизации Евразии пришел от древнейших скотоводов северопричерноморских степей и лесостепей. Позднее эту гипотезу фундаментально обосновали и развили Т.Сулимирский (1968), В.Даниленко (1969; 1974), М.Гимбутас (1970; 1985), Д.Мэллори (1989), Д.Энтони (1991). Ее сторонником был Ю.Павленко (1994).

По этой версии древнейшие и-е сформировались на юге Украины вследствие сложных исторических процессов, приведших к выделению скотоводства в отдельную отрасль первобытной экономики. Вследствие длительной аграрной колонизации ближневосточными мотыжными земледельцами Балкан и Подунавья резервы мотыжного земледелия в Центральной Европе были исчерпаны. Дальнейшее расширение воспроизводящей экономики в степной и лесной зонах требовало увеличения роли скотоводства. Этому способствовала прогрессирующая аридизация климата, которая вела к кризису земледельческой экономики Балкан и Подунавья, в то же время создавая благоприятные условия для распространения разных форм животноводства. Тому же способствовало сведение лиственных лесов Центральной Европы и Правобережной Украины неолитическими земледельцами в IV-V тыс. до н. э., поскольку пустоши на месте бывших полей становились потенциальными пастбищами.

Мотыжные земледельцы неолита пасли своих немногочисленных животных близ селений. Во время созревания урожая их отгоняли подальше от посевов. Так, зарождалась древнейшая отгонная форма скотоводства. Ей свойственно выпасать животных летом на пастбищах, удаленных от постоянных поселений. Именно этот древнейший вид скотоводства дал возможность обществам с воспроизводящей экономикой колонизировать не только евразийские степи, но и продвинутся в леса средней полосы Европы.

Выделение скотоводства из древней смешанной земледельческо-животноводческой экономики балкано-дунайского неолита в отдельную отрасль началось на юге Украины, на границе занятых мотыжными земледельцами плодородных черноземов Правобережья Днепра и евразийских степей, ставших с этого времени домом подвижных и воинственных скотоводческих народов. Таким образом, в IV тыс. до н. э. территория Украины стала порубежьем между оседлыми миролюбивыми земледельцами Подунавья и подвижными, воинственными скотоводами евразийских степей.

Именно на юге Украины земледельческая протоцивилизация Балкан и Подунавья через свой северо-восточный форпост – трипольскую культуру – непосредственно влияла на предков древнейших скотоводов – мезолитических и неолитических охотников и рыболовов лесостепей бассейнов Днепра и Северского Донца. Последние получили от балкано-дунайских потомков древнейших земледельцев и скотоводов Ближнего Востока не только навыки воспроизводящего хозяйства, но и ближневосточную сельскохозяйственную терминологию, прослеженную лингвистами в и-е языках (Иллич-Свитыч 1964; 1971; Старостин, 1988). Локализация в степях и лесостепях между Днестром, Нижним Доном и Кубанью первых пастухов-скотоводов хорошо согласуется с тремя основными направлениями праиндоевропейских лингвистических контактов. На западе они непосредственно граничили с носителями сельскохозяйственной лексики ближневосточного происхождения (трипольцы), на северо-востоке – угро-финской, а на юго-восток – картвельской лексики Кавказа (рис. 2).

М.Гимбутас помещала родину скотоводства и его первых и-е носителей в Среднем Поволжье, с чем трудно согласится. Ведь

скотоводство родилось от комплексного мотыжного земледелия в процессе отделения в самостоятельную отрасль экономики. То есть, это могло произойти только при условии непосредственных и тесных контактов первых скотоводов с большими аграрными общностями, такими как раннеземледельческая протоцивилизация Балкан и Подунавья.

Ничего подобного в Поволжье не было. Ближайший центр земледелия лежал на 800 км южнее от Среднего Поволжья за Великим Кавказским хребтом в бассейнах рек Кура и Аракс. Если бы первые скотоводы позаимствовали производящее хозяйство вместе с аграрной терминологией оттуда, то последняя была бы, в основном, картвельской. Однако значительное число общеиндоевропейских скотоводческо-земледельческих терминов не кавказского, а анатолийского происхождения. Таким образом, они были прямо позаимствованы праиндоевропейцами у неолитического населения Балкан и Подунавья – непосредственных потомков неолитических колонистов с Анатолии, скорее всего прахатто-хуритов.

Полученные от трипольцев скотоводческие навыки прижились и быстро развились в отдельную отрасль в благоприятных условиях степей и лесостепей Левобережной Украины. Стада коров и отары овец интенсивно передвигались в поисках пастбищ, что требовало от скотоводов подвижного способа жизни. Это стимулировало быстрое распространение колесного транспорта, приручение в IV тыс. до н. э. коней, которых вместе с быками использовали в качестве тягловых животных. Постоянные поиски пастбищ приводили к военным столкновениям с соседями, что милитаризировало общество. Пастушеское хозяйство оказалось очень продуктивным. Один пастух выпасал стадо, способное прокормить много людей. В условиях постоянных конфликтов за пастбища и коров излишек мужских рабочих рук трансформировался в профессиональных воинов.

У скотоводов, в отличие от земледельцев, не женщина, а мужчина стал главной фигурой в семье и общине, поскольку все жизнеобеспечение лежало на пастухах и воинах. Возможность накопления скота в одних руках создавало условия для имущественной дифференциации общества. Появляется военная элита. Милитаризация общества определила строительство древнейших крепостей, распространение культов верховного бога воина и пастуха, боевой колесницы, оружия, коня, солнца-колеса (свастика), огня.

Рис. 7. Глиняная посуда ямной (1-4), а также посуда и боевые молоты (ваджры) катакомбной культур III-II тыс. до н.э. Юг Украины. Катакомбные сосуды и топоры — ингульская культура

Эти древнейшие скотоводы юга Восточной Европы IV-III тыс. до н. э. еще не были настоящими номадами, которые проводили всю жизнь на коне или на повозке в постоянных перекочевках за стадами и табунами животных. Номадизм, как способ кочевой жизни и развитая форма скотоводческой экономики, окончательно сформировался в степях только в начале I тыс. до н.э. В основе хозяйства степняков IV-III тыс. до н. э. лежало менее подвижное отгонное скотоводство. Оно предусматривало более или менее оседлое проживание женщин и детей в стационарных поселениях в долинах рек, где выращивали ячмень, пшеницу, разводили свиней, коз, ловили рыбу. Мужское население все больше времени проводило со стадами коров, овец и коней на летних степных пастбищах. Весной животных в сопровождении пастухов и вооруженной охраны гнали далеко в степь и только осенью возвращали на зимовку домой. Этот полуоседлый способ жизни быстро приобретал все более подвижные

формы из-за возрастания роли скотоводства.

Рис. 8. Каменные антропоморфные стелы индоевропейских скотоводов III тыс. до н.э. Степи Северного Причерноморья. (Давня історія України, 1994, с.48, 49)

Эти ранние полукочевые скотоводы оставили мало поселений, но большое количество курганов. Особенно много их было насыпано ямниками (сотни тысяч) в III тыс. до н. э. Археологи узнают их по так называемому степному погребальному комплексу. Его важнейшими элементами являются курганная насыпь, помещение покойника в могильную яму в скорченном положении, засыпка погребенного порошком красной охры. В могилу клали грубые глиняные горшки, часто орнаментированные отпечатками шнура и наколами, оружие (каменные боевые молоты и булавы) (рис. 7). В углах ямы ставили колеса, символизирующие погребальную повозку, а часто и ее детали (рис. 4). В курганах находят каменные антропоморфные стелы, которые изображают родового патриарха с соответствующими атрибутами вождя-воина и пастуха (рис. 8). Важным признаком первых и-е юга Украины является доместикация коня, следы которой прослеживаются в лесостепном Поднепровье с IV- III тыс. до н. э. (Телегин 1973).

Рис. 9. Андроновская колесница. Реконструкция А.И.Соловьева, по (Акашев, Хабдулина, 2011).

Небывалое по размаху расселение древнейших и-е с юга Украины на бескрайних степных просторах до Среднего Дуная на западе и до Алтая на востоке объясняется скотоводческой экономикой, распространением колесного транспорта – повозок и боевых колесниц (рис. 9), тягловых животных (бык, конь), а позже и всадничества, которые обусловили подвижный способ

жизни, воинственность и грандиозный масштаб экспансии ранних и-е (рис. 2).

От Рейна до Донца

Однако ограничение и-е прародины лишь степями и лесостепями Украины не объясняет, почему основной массив древнейшей и-е гидронимики лежит в Центральной Европе между Рейном и Днепром. Не вяжутся с югом Украины и такие природные реалии как горы, болота, распространение осины, бука, тиса, вереска, бобров, тетеревов и т.п. Эти элементы природного окружения более характерны для умеренного и прохладного климата Центральной Европы, чем для знойных степей Черноморья. Да и северно-европеоидная внешность первых и-е, о чем свидетельствуют древнейшие письменные источники, не вяжется с Причерноморьем.

Эти противоречия снимаются, если предположить существование единого этнокультурного субстрата между Нижним Рейном и Донцом, на котором в V-IV тыс. до н.э. начали формироваться древнейшие индоевропейцы Причерноморья и Центральной Европы. Такой субстрат начал вырисовываться в последней трети XX ст. в ходе исследований мезолитических памятников на Северо-Немецкой, Польской, Полесской низменностях, в бассейнах Немана и Донца.

Среднеевропейские низменности, которые тянутся от бассейна Темзы через север Германии, Польшу, Полесье до Среднего Днепра, начиная с финального палеолита и вплоть до средневековья были своеобразным коридором, которым с запада на восток катились миграционные волны. Первыми этим путем с Ютландии до Днепра 12 тыс. лет тому прошли охотники на северного оленя культуры Лингби (рис. 10). Они заселили только что освобожденные от ледника Среднеевропейские низменности, дав начало родственным культурам охотников на северного оленя последнего тысячелетия ледниковой эпохи: Аренсбург Северной Германии, Свидер и Красноселье бассейнов Вислы, Немана, Припяти, Верхнего Днепра.

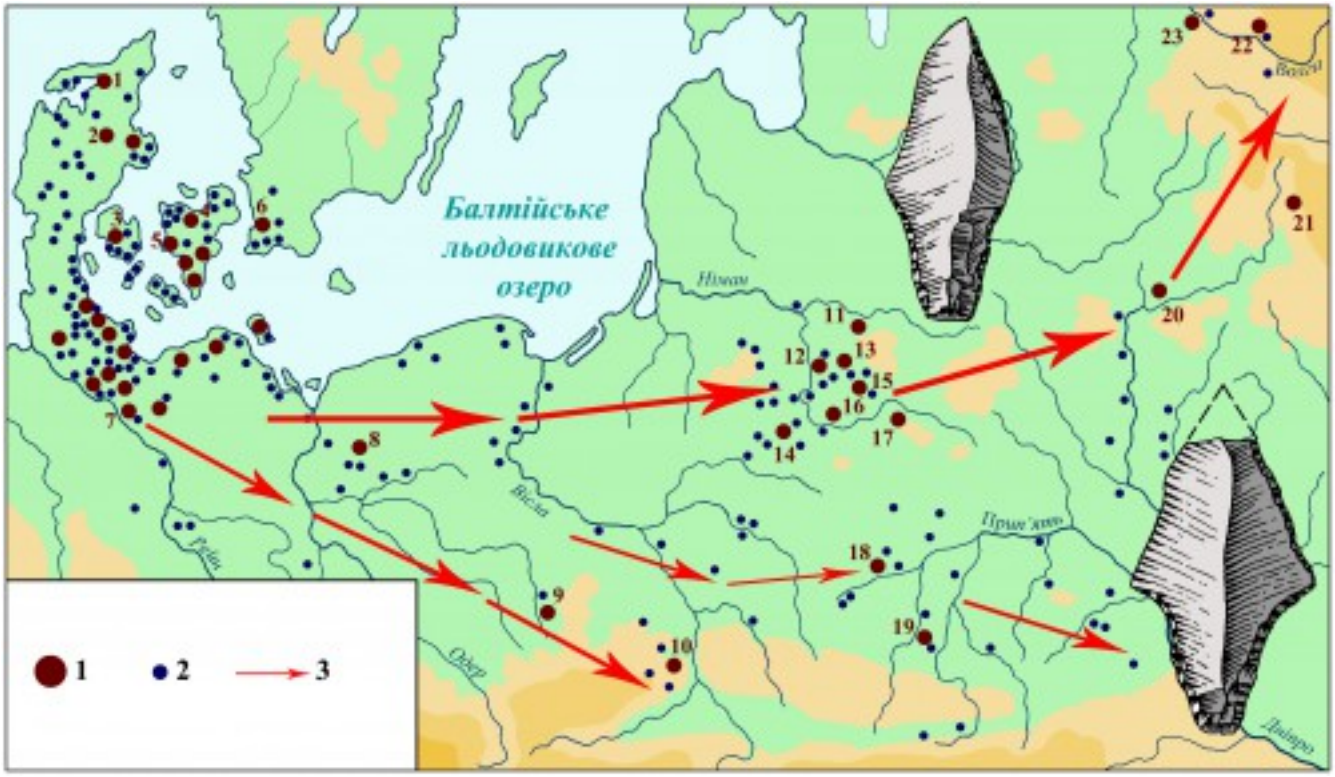

Рис. 10. Карта распространения памятников типа Бромме-Лингби, около 11 тыс. л. назад. (Залізняк, 2005, с.45) Условные знаки: 1- стоянки культуры Лингби, 2- местонахождения наконечников Лингби, 3- направления миграции населения культуры Лингби, 4- южная и восточная граница зандровых низменностей.

Мезолит Среднеевропейских низменностей начался с новой волны переселенцев на восток, которая привела к сложению культурной области Дювенси. В нее входят родственные раннемезолитические культуры Стар Кар Англии, Дювенси Германии, Клостерлунд Дании, Коморница Польши, Кудлаевка Полесья и бассейна Немана (рис. 11, 12).

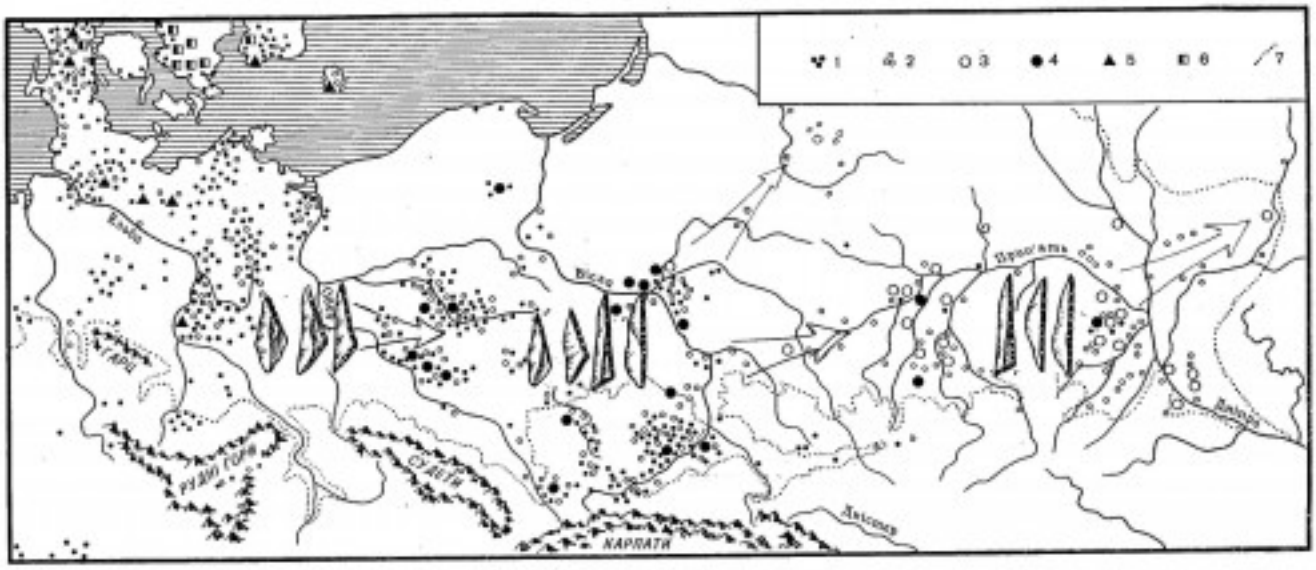

Рис. 11. Область культур Дювенси VIII-VII тыс. до н.э. (Зализняк, 1991, с.12, 13; 1998, с.215) Условные знаки: 1- коморницкие треугольники и острия, 2- острия типа Кудлаевка, 3- памятники культур: Кудлаевка, 4- Коморница, 5- Мелстед (1-5) и Дювенси (6-10), 6- Свадборг, 7- граница зандровых низменностей.

Рис. 12. Карта стоянок кудлаевской культуры Полесья VIII-VII тыс. до н.э. (Залізняк, 2009, с.101) 1 — Люботынь 3; 2 — Криница; 3 — Поляны; 4 — Броды; 5 — Мартыновичи; 6 — Кухари; 7 — Таценки; 8 — Селище; 9 — Кудлаевка. Условные знаки: …… — граница лесовых плато; → — направление миграции кудлаевского населения.

Особенно мощной была миграция в Атлантическом периоде голоцена носителей традиций культуры маглемозе Юго-Западной Балтики. В бореале в VII тыс. до н.э. Маглемозе трансформировалась в культуру Свадборг Ютландии, население которой вследствие трансгрессии Балтики около 6000 лет до н.э. мигрировало на восток, где приняло участие в формировании яниславицкой культуры бассейнов Вислы, Немана и Припяти (рис. 13) (Kozlowsky 1978, p. 67, 68; Зализняк 1978, 1984, 1991, с.38-41, 2009, с.206-210). В конце VI тыс. до н.э. носители яниславицких традиций продвинулись долиной Днепра в Надпорожье и далее на восток в бассейн Северского Донца (рис. 15). Об этом свидетельствует карта распространения характерных яниславицких острий (рис. 14).

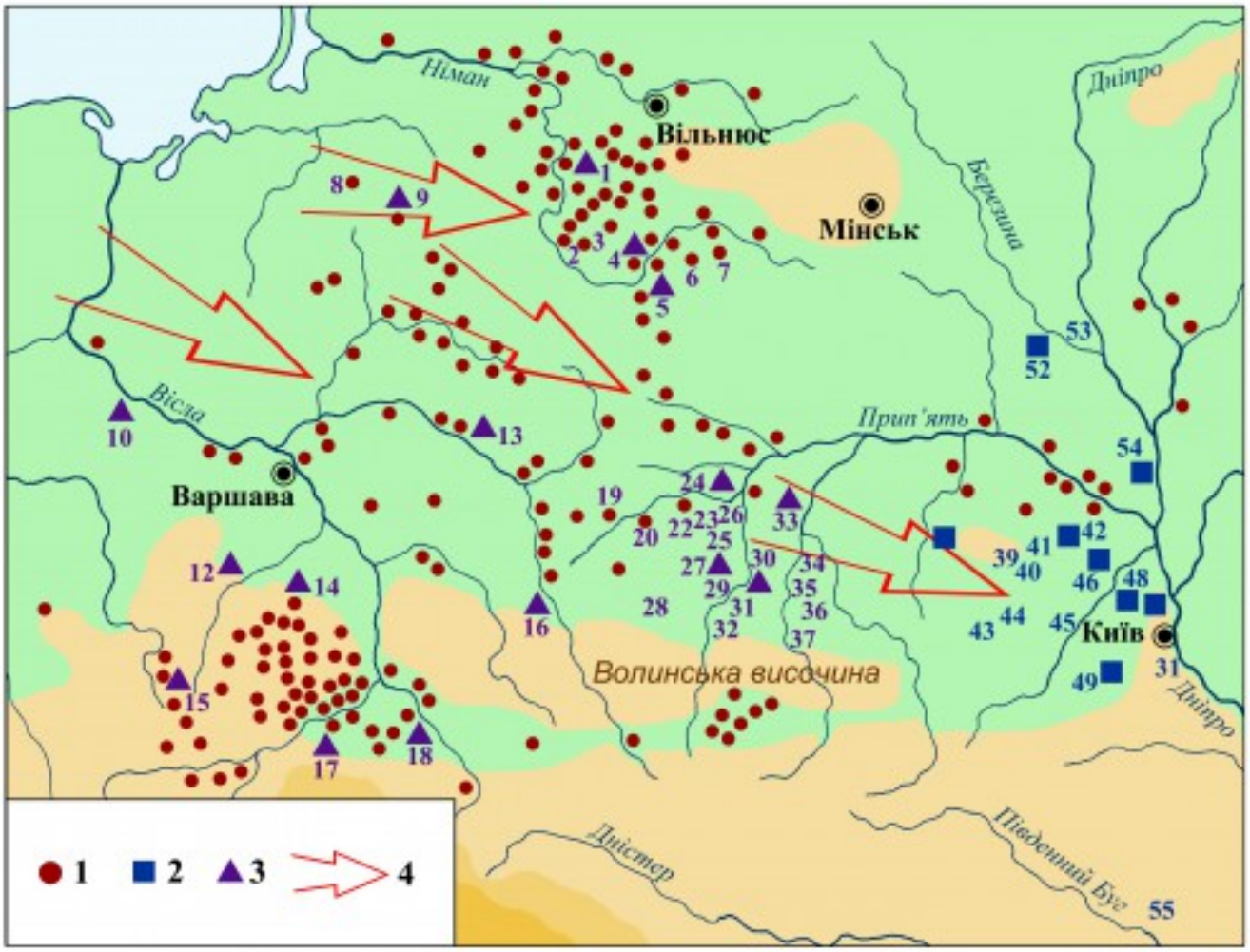

Рис. 13. Карта распространения памятников яниславицкой культуры VI-V тыс. до н.э.. Бассейн Немана (Зализняк, 1991, с.29)

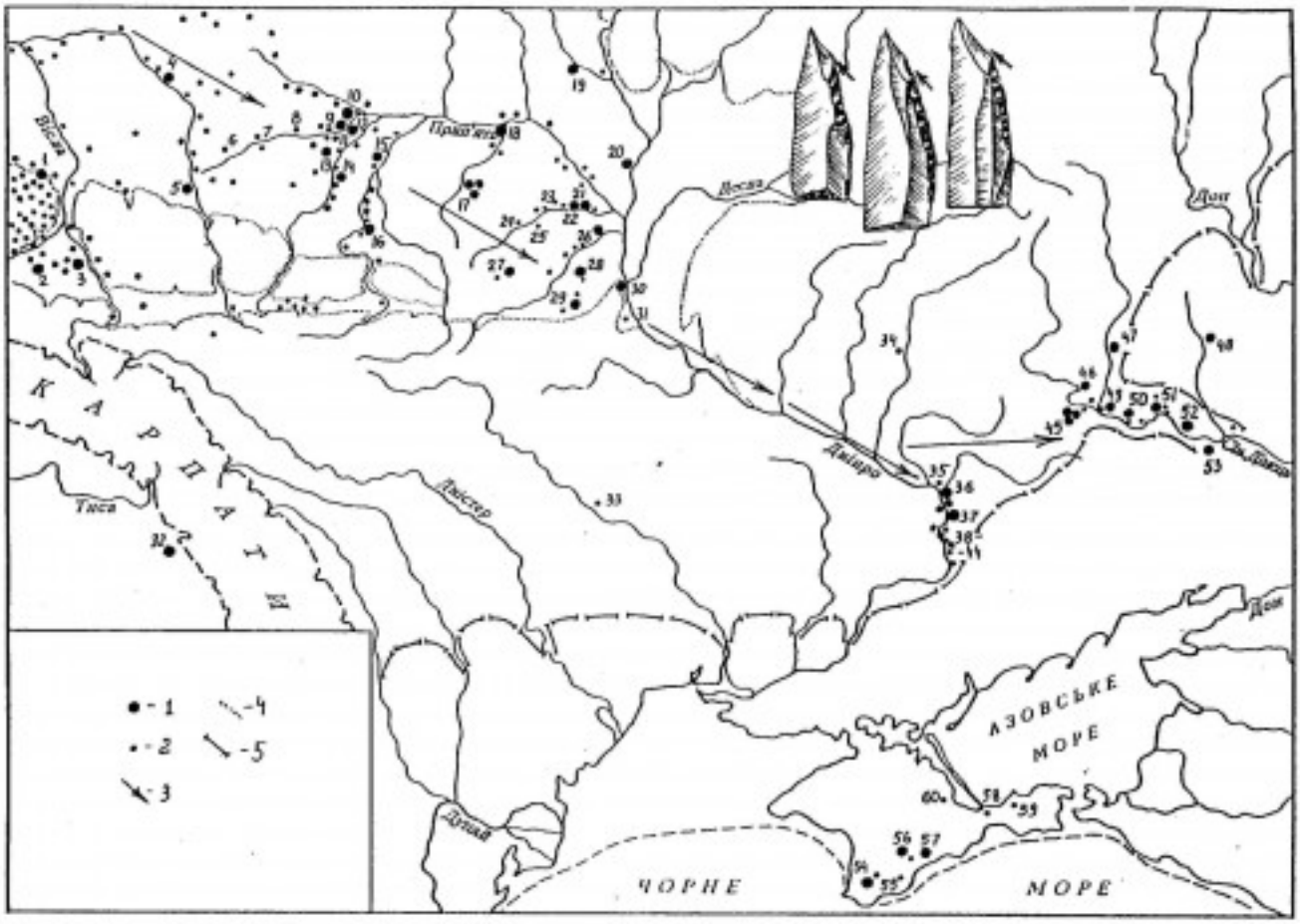

Рис. 14. Карта распространения острий с микрорезцовым сколом на пластинах на территории Украины. (Залізняк, 2005, с.109) Условные знаки: 1-стоянки с сериями острий, 2-пункты с 1-3 остриями, 3-направление миграции с Южной Балтики в VII-V тыс. до н.э., 4-граница Полесья, 5-южная граница лесов в Атлантикуме.

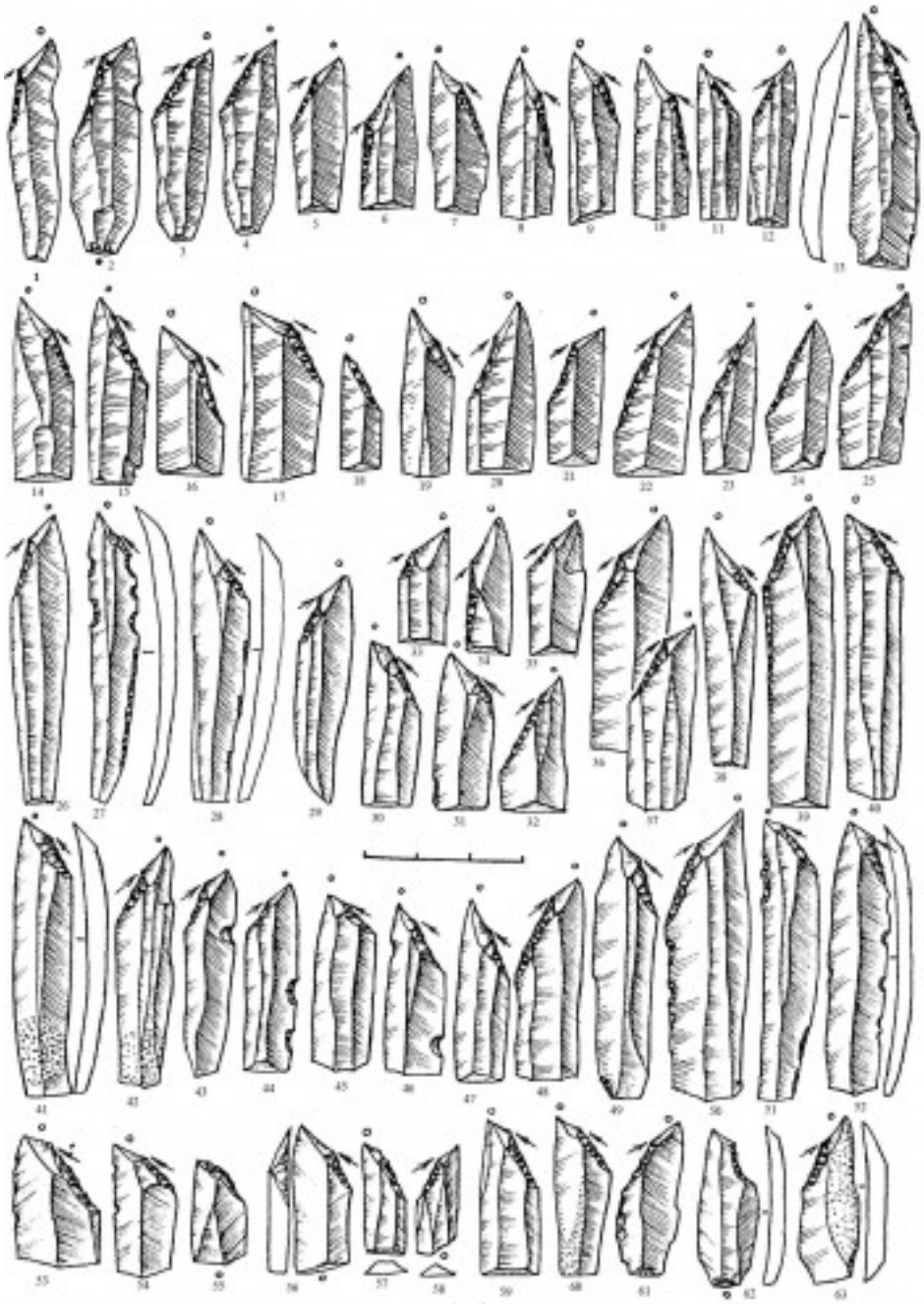

Рис. 15. Острия на пластинах с микрорезцовыми сколами со стоянок Украины. Тип Яниславица и подобные. (Залізняк, 2005, с.110)

Процесс проникновения лесных охотников культурных традиций маглемозе с Полесья на юг, вероятно, стимулировался подвижкой в южном направлении по долинам рек широколиственных лесов в связи с общим потеплением и увлажнением климата в конце мезолита. В результате распространения лесных и лесостепных биотопов с соответствующей фауной по долинам рек вплоть до Черного и Азовского морей создались условия для продвижения на юг и юго-восток Украины лесных охотников яниславицкой культуры.

Так, в VI-V тыс. до н.э. сформировалась позднемезолитическая культурная общность постмаглемозе, которая охватывала низменные пространства от Ютландии до Северского Донца (рис. 16). В нее входили мезолитические культуры постмаглемозе Западной и Южной Прибалтики, Яниславица бассейнов Вислы, Немана, Припяти, а также донецкая культура бассейна Северского Донца. Кремневый инвентарь этих культур убедительно свидетельствует об их родстве и генезисе на основе мезолита Балтики. Многочисленные находки характерных для мезолита Балтики и Полесья микролитов в Надпорожье и даже на Северском Донце свидетельствует, что мигранты с Балтики достигли Донца (Залізняк, 1991, с. 40, 41; 2005, с. 109–111).

В V тыс. до н.э. на основе постмаглемозе, но под южным влиянием культурных общностей балкано-дунайского неолита сформировалась группа лесных неолитических культур: Эртебёлле Юго-Западной и Цедмар Южной Балтики, Дубичай бассейна Немана, волынская бассейна Припяти и Немана, днепро-донецкая Среднего Поднепровья и донецкая Северского Донца (рис. 16). Среди неолитических доноров упомянутых культур лесного неолита Немецкой, Польской, Полосской низменностей и Среднего Поднепровья особую роль сыграли культуры линейно-ленточной керамики и Кукутени-Триполье.

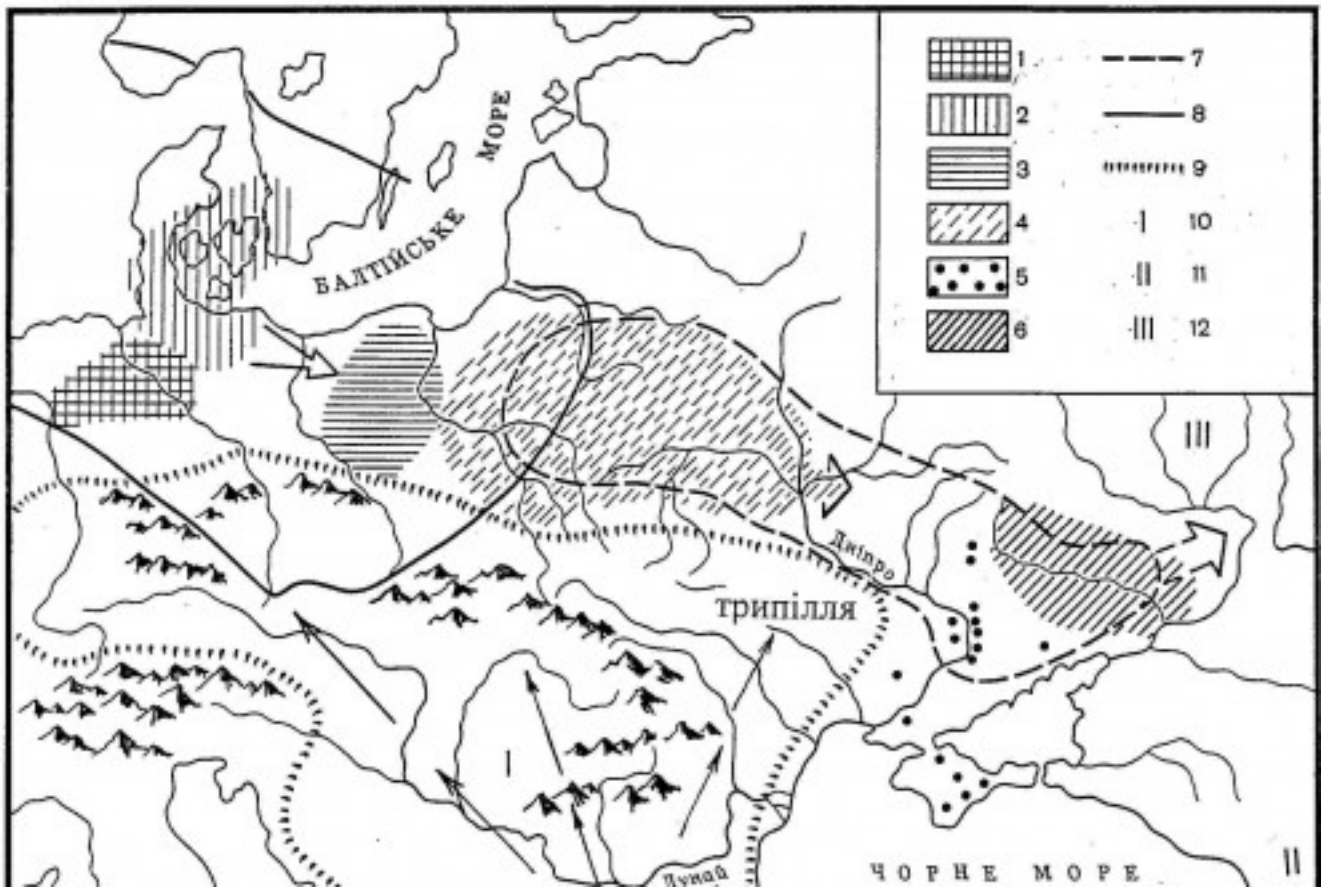

Рис. 16. Позднемезолитическая и неолитическая подоснова индоевропейцев (VI-V тыс. до н. э.). (Залізняк, 1994, с.89; 1998, с. 217) Культуры позднего мезолита: 1- Лейен-Вартен, 2- Свадборг, 3- Хойница- Пенки, 4- Яниславица, 5- пункты находок яниславицких острий, 6- донецкая культура. Культуры неолита: 7- гребечатой керамики, 8- воронковидных кубков, 9- балканский неолит. I- балкано-дунайский неолит ближневосточного происхождения, II- пракартвелы Кавказа, III- прафинноугры.

Существование культурно-генетической общности на равнинах от Нижнего Рейна до Северского Донца подтверждает не только археология. Упомянутые выше автохтонные охотничьи сообщества среднеевропейских низменностей и Поднепровья были связаны не только единым типом лесного охотничье-рыболовецкого хозяйства и материальной культурой, но и антропологическим типом населения. О проникновении северных европеоидов из Западной Балтики на Средний Днепр и Юго-Восток Украины в мезолите и неолите давно писали антропологи (Гохман 1966, Кондукторова 1973). Сравнение материалов мезолитических и неолитических могильников Поднепровья VI-IV тыс. до н.э. с синхронными захоронениями Ютландии свидетельствует как об определенном культурном, так и о генетическом родстве населения, оставившего их. Похожими оказались не только погребальный обряд, но и антропологический тип погребенных (рис. 4). Это были высокие, очень массивные, широколицые северные европеоиды, погребенные в вытянутом положении на спине (Телегин, 1991, Потехина 1999). В V тыс. до н.э. это население продвинулось лесостепной полосой в Левобережную Украину и на восток Среднего Поволжья (могильник Съезжее), образовав мариупольскую культурную общность, представленную многочисленными могильниками мариупольского типа с многочисленными остеологическими остатками массивных северных европеоидов (Телегин, 1991). От этого антропологического массива происходит население ранних индоевропейских общностей IV тыс. до н.э. – среднестоговской и ямной культур лесостепной Украины.

Таким образом, в VI-V тыс. до н.э. североевропейское охотничье население, которое с конца ледниковой эпохи проживало на низинных лесных просторах Южной Балтики и Полесья продвинулось Левобережьем Днепра в бассейн Северского Донца. Образовалась огромная этнокультурная общность, которая протянулась от Ютландии до Донца на две тысячи км и состояла из родственных культур охотников и рыболовов. Под воздействием земледельческих культур балкано-дунайского неолита с юга постмаглемезская мезолитическая общность перешла на неолитический этап развития. Из-за распространения степей вследствие аридизации климата указанные аборигенные общества северных европеоидов начали переходить к скотоводству и трансформировались в древнейшие и-е культуры IV тыс. до н.э. (среднестоговская на Левобережьи Днепра и воронковидных кубков в Центральной Европе).

Таким образом, древнейшие индоевропейцы IV-III тыс. до н.э. носители среднестоговской и ямной культур (возникли на базе днепро-донецкой и мариупольской культур) на востоке и культур воронковидных кубков и шаровидных амфор (потомки культуры Эртебелле) на западе принадлежали к североевропейскому антропологическому типу. Вместе с тем, у носителей этих ранних индоевропейских культур прослеживается некоторая грацилизация скелета, что свидетельствует об их формировании на основании местных северных европеоидов в условиях определенного притока более грацильного неиндоевропейского населения с колонизированного земледельцами Подунавья. Массивными северными европеоидами, по мнению Е.Е.Кузминой (1994, с.244-247), были также носители андроновской культуры Центральной Азии (рис. 9).

Североевропеоидную внешность ранних и-е подтверждают письменные источники и мифология, которые свидетельствуют о светлой пигментации индоевропейцев II тыс. до н.э. Так, в Ригведе арийцы характеризуются эпитетом «Svitnya», что означает «светлый, светлокожий». Герой известного арийского эпоса «Махабхарата» часто имеют глаза цвета «синего лотоса». По ведийской традиции настоящий брахман должен иметь каштановые волосы и серые глаза. В Илиаде ахейцы золотоволосые блондины (Ахиллес, Менелай, Одиссей), ахейские женщины и даже богиня Гера светловолосые. Златовласым изображали и бога Аполлона. На египетских рельефах времен Тутмоса IV (1420-1411 г. до н.э.) хеттские колесничие (мариану) имеют нордическую внешность, в отличии от их арменоидных оруженосцев. В середине I тыс. до н.э. к царю Персии с Индии будто бы приходили светловолосые потомки ариев (Лелеков, 1982, с. 33). По свидетельствам античных авторов высокими блондинами были кельты Центральной и Западной Европы. К тому же североевропеоидному типу, как не удивительно, принадлежали легендарные тохары Синдзяна в Западном Китае. Об этом свидетельствуют их мумифицированные тела, которые датируются приблизительно 1200 г. до н.э. и настенные тохарские росписи VII-VI ст. н.э. Древнекитайские хроники также свидетельствуют о голубоглазых блондинах, которые в древности жили в пустынях Центральной Азии.

Принадлежность древнейших индоевропейцев к северным европеоидам согласуется с локализацией прародины между Рейном и Северским Донцом, где к VI-V тыс. до н.э. по данным современной археологии сформировалась этнокультурная общность (рис. 16), на основе которой возникли древнейшие и-е культуры (мариупольская, среднестоговская, ямная, воронковидных кубков, шаровидных амфор).

Подводя итог, можно предположить, что прародиной и-е вероятно были Немецкая, Польская, Днепровская низменности и бассейн Донца. В конце мезолита в VI–V тыс. до н.э. эти территории были заселены массивными северными европеоидами с Прибалтики. В V тыс. до н.э. на их генетической основе формируется группа родственных неолитических культур, которые развивались под прогрессивным воздействием земледельческой протоцивилизации Балкан. Следствием контактов с последней, в условиях аридизации климата и расширения степей, произошла трансформация автохтонов праиндоевропейцев в собственно индоевропейское раннескотоводческое подвижное общество (Залізняк 1994, с.96-99; 1998, с. 216-218, 240-247; Zaliznyak, 1997, p.117-125; 2005). Археологическим маркером этого процесса является начало формирования в приазовских и причерноморских степях в конце V–IV тыс. до н.э. скотоводческого курганного погребального обряда (курган, погребения со скорченными и окрашенными охрой скелетами, антропоморфные стелы с изображениями оружия и пастушеских атрибутов, следы культа коня, быка, колесного транспорта, оружия и т.п.).

Если автор этих строк считает выделенную им постмаглемезскую этнокультурную общность VI–V тыс. до н.э. (рис. 16) праиндоевропейцами, субстратом, на котором формировались собственно индоевропейцы, то другой украинский исследователь С.В.Конча рассматривает носителей постмаглемозе как уже сложившихся индоевропейцев до их распада на отдельные этно-языковые ветви. По мнению С.В.Кончи «имеются весомые основания датировать индоевропейскую общность ранним мезолитом (VIII–VII тыс. до н.э.), а начало ее распада связывать с расселением яниславицкого населения на восток, в Полесье, и далее, до бассейна Донца в VI–V тыс. до н.э.». Исследователь считает, что определяющий для ранних и-е культурный комплекс (подвижное пастушеское скотоводство, курганный погребальный обряд, культы коня, быка, колеса-солнца, оружия, патриарха пастуха-воина и т.п.) был приобретен и-е позже, уже после распада праиндоевропейской общности в IV–III тыс. до н.э. (Конча, 2004, с.191-203).

Так или иначе, на низменностях от Нижнего Рейна на западе до Среднего Днепра и Северского Донца на востоке археологически прослеживается культурно-историческая общность, которая начала формироваться с окончанием ледниковой эпохи и которая возможно была этнокультурной подосновой индоевропейской группы народов.

Проблема индоевропейской родины далека от своего окончательного решения. Высказанные выше соображения, несомненно, будут корректироваться и уточнятся по мере поступления новых фактов и применения новейших научных методик к решению проблем индоевропеистики.

ЛИТЕРАТУРА:

Акашев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: Городище Бозок.-Астана, 2011.- 260 с.

Алексеев В.П. География человеческих рас. –М., 1974.- 350 с.

Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский язык.- М., 1986.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы.- Т.1, 2.- Тбилиси, 1984.- 1330 с.

Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоэвропейской языковой общности.- М., 1964.

Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк).- М.,1966.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. –К., 1969.- 260 с.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины.- К., 1974.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории.- №4.- 1982.- С.11-25.

Залізняк Л.Л. Рудоострівська мезолітична культура // Археологія. – 1978. – № 25. – С. 12 – 21.

Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. – К.: Наукова думка, 1984 . – 120 с.

Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. – К., 1991.-190 с.

Залізняк Л.Л. Нариси стародавньої історії України.-К., 1994.- 255 с.

Залізняк Л.Л. Передісторія України X –V тис. до н.э. – К., 1998. – 307 с.

Залізняк Л.Л. Первісна історія України.- К., 1999.- 264 с.

Залізняк Л.Л. Мезоліт заходу Східної Європи // Кам'яна доба України.- №12.- К., 2009.- 278 с.

Залізняк Л.Л. Стародавня історія України.- К., 2012.- 542 с.

Зализняк Л.Л. Фінальний палеолит и мезолит континентальної України // Кам'яна доба України.- №8.- К., 2005.- 184 с.

Залізняк Л.Л. Мезоліт заходу Східної Європи // Кам'яна доба України.- №12.- К., 2009.- 278 с.

Иллич-Свитыч В.М. Древнейшие индоевропейско-семитские контакты // Проблемы индоевропейского языкознания.- М., 1964.- С.3-12.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение // Сравнительный словарь.-Т.1- 2.- М., 1964.- С.3-12.

*Клейн Л.*С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов.-СПб, 2007.

Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы.- М.,1973.

Конча С.В. Перспективи етногенетичних реконструкцій за кам'яної доби. (Матеріали індоєвропеїстики) // Кам'яна доба України, вип. 5.- К., 2004.- с.191-203.

*Кузмина Е.*Е. Откуда пришли индо-арии? — М., 1994.- 414 с.

Лелеков А.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник Древней Истории.- №3.- 1982.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век.-Т.1.-М.,1973.-355с.

Павленко Ю.В. Передісторія давніх Русів у світовому контексті.-К.,Фенікс, 1994, 400 с.

Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації.- К.,Либідь, 1996.-358 с.

Ригведа.- М., 1989.

Потехина И.Д. Население Украины эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным.-К., 1999.- 210 с.

Салларес Р. Языки, генетика и археология //Вестник древней истории.-№3.-1998.- С.122-133.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989.- 402 с.

Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглосы // Древний Восток: этнокультурные связи.- М., 1983.- С.112-164.

Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді.- К., 1974.- 168 с.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа.-К.,1991.- 94 с.

Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индо-германских языков // Записки Императорской Академии.- Т. VIII.-Приложение.-СПб, 1865.

Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история.- Спб., 1886.

Ясперс К. Смысл и постижение истории.-М., 1991.

Anthony D. The 'Kurgan culture', Indo-European Îrigins, and the Domestication of the Horse: A Reconsideration// Current Antropology.-N 27.-1986.- S. 291 — 313.

Anthony D. The Archaeology of Indo-European Origins // The Journal of Indo European Studies.- Vol. 19.- N 3-4.- 1991.- p.193- 222.

Bosh — Gimpera P. Les Indo — Europeens: problems arheoloques. — Paris. — 1961.

Child G. The aryans. — N.Y., 1926.

Child G. The prehistory of European Society. — London, 1950.

Cuno I.G. Forschungen in Gebeite der alten Volkerkunde. — Bd.1. — Berlin, 1871.

Devoto G. Origini Indoeuropee. — Firenze, 1962.

Geiger L. Zur Entwickelungschichte der Menschheit. — Stuttgart, 1871.

Georgiev V. Introduzione dla storia delle linque Indoeuropee. — Roma, 1966.

Gimbutas M. The kurgan culture// Actes du VII CIPP. — Prague, 1970.

Gimbutas M. Primary and secondery of the Indoeuropeans // Journal of Indo — Europian stadies. — N 13. — 1985. — P. 185 — 202.

Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. — Leipzig, 1848. — Bd.1.

Grossland R.A. Immigrants from the North // Cambrige Ancient History.- 1967.- Vol.1.-Pt.2.- P.234-276.

Hausler A. Kultyrbeziehungen zwishen Ost und Mitteleuropa in Neolitikum // Jahresschrift fur mitteldeutsche Vergeschichte. — 68. — 1985. — S. 21 — 70.

Hirt H. Die Urheimat der Indogermanen. // Indogermanische Forschungen, 1892. – B.1. – S. 464-485.

Kossinna G. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor und fruhgeschictlichen Zeit.- Leipzig, 1926.

Kuhn A. Zur altesten Geschichte der indogermanischen Volker. — Berlin, 1845.

Kühn H. Herkunft und Heimat der Indogermanen // Proceeding of the First International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, London,1932. — Oxford University Press., 1934. — P.237 – 242.

Mallory J. In search of the Indo — Europeans. — London, 1989. – 286 p.

Renfrew C. Archaeology and language. — N.Y., 1987. — P. 340.

Schleicher A. Der wirtschaftliche Culturstand der Indogermanischen Urvolkes // Hildebrander Jachreschrift. — H.1. -1863.- S. 401-411.

Sulimirski T. Die schnurkeramischen Kulturen und das indoeuropaische Problem // La Pologne au VII Congres international des

sciences prehistoriques. — Part I. – Warsaw, 1933 — P. 287 — 308.

Sulimirski T. Corded ware and globular amphorae North East of the Carpathians.- London, 1968.

Zaliznyak L.L. Mesolithic forest hunters in Ukrainian Polessye.- BAR N 659. – Oxford, 1997b. – 140 p.

Zaliznyak L.L. Ukraine and the Problem of Indo-European Original Motherland // Archeology in Ukraine, Kyiv-Ostin 2005.- P. 102-137.